

Сергей и Дина
Волсини

ШТОРМ на Крите

Современная русская проза

Сергей и Дина Волсини

Шторм на Крите

«Волсини Сергей Николаевич»

2013

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)

Волсини С.

Шторм на Крите / С. Волсини — «Волсини Сергей Николаевич»,
2013 — (Современная русская проза)

ISBN 978-5-9902212-5-3

Что чувствует мужчина, когда неприступная красавица с ледяным взглядом вдруг оказывается родной душой и долгожданной любовью? В считанные дни курортное знакомство превращается в любовь всей жизни. Вечный холостяк готов покончить со своей свободой и бросить все к ногам любимой. Кажется, и она отвечает взаимностью. Все меняется, когда на курорт прибывают ее родственницы. За фасадом добропорядочной семьи таятся неискренность и ложь. В отношениях образуется треугольник, и если для влюбленного мужчины выбор очевиден, то для дочери выбирать между матерью и собственным счастьем оказывается не так просто. До последних минут не ясно, какой выбор она сделает и даст ли шанс их внезапной любви. Потрясающе красивый летний роман о мужчине, пережившем самую яркую историю любви в своей жизни, способным горы свернуть ради любви и совершенно бессильным перед натиском материнской власти.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)

ISBN 978-5-9902212-5-3

© Волсини С., 2013
© Волсини Сергей Николаевич, 2013

Сергей и Дина Волсини

Шторм на Крите

© Сергей и Дина Волсини, 2013

© Иллюстрации и дизайн обложки Сергей Николаев, 2013

* * *

Самолет пошел на посадку.

Облака рассеялись. Внизу показалось море. Оно становилось все ближе – гладкое, синее, холодное. Земли вокруг не было видно, лишь маленькие скалистые островки торчали из-под воды.

Стало трясти. Накренило вправо. Пассажиры на задних рядах подпрыгнули на своих сиденьях и схватились за ручки кресел. В следующее мгновение качнуло влево. По салону пронеслось дружное «ах!», самолет задрожал, вздернулся, ухнул вниз и стал быстро снижаться.

Под ногами по-прежнему лежало море. Летели совсем уже низко, едва не касаясь волн, как будто собирались садиться прямо на воду. В последний момент внизу появилась серая дорожка асфальта, в ту же минуту шасси коснулось земли, самолет затрясся, задрезбезджал и запрыгал по посадочной полосе.

Аэропорт на острове был маленький, но работал отменно. Подали два трапа. На улице уже стоял автобус с открытыми дверями, за ним подъехал второй. Шесть окошек таможенного контроля открылись одновременно, и пассажиры быстро разбрелись по разным очередям. Расписание на табло показывало, что самолеты здесь приземлялись каждую четверть часа. Летели в основном из Европы.

Вскоре привезли и багаж. Подхватив чемоданы, вновь прилетевшие выкатились на улицу, где и так было полным-полно людей, стояли машины и длинные туристические автобусы. Было около шести часов вечера. Солнце садилось, и последние его отблески освещали небо мягкими закатными лучами. Дул ветер, но он не мешал – воздух все равно был теплым. Пахло летом.

Антон Ильич прошел к стоянке такси. Здесь никто не толпился. Его сразу же усадили в белый мерседес и покатали по вечернему городу. Не прошло и сорока минут с тех пор, как он приземлился на острове, а он уже высаживался у дверей своего отеля.

Маленькая остроносая гречанка с крашеными завитушками на голове никак не хотела понять Антона Ильича. Он просил номер получше и повыше этажом, улыбался ей и обещал отблагодарить, но та лишь кивала в ответ, не глядя на него, и было ясно, что делать ничего не собиралась. Когда она протянула ключ, Антон Ильич уже знал, что номер ему не понравится. Так оно и вышло. Комната оказалась самая простая – маленькая, душная, с кафельной плиткой на полу и окнами на дорогу. Было здесь шумно и неуютно.

Он спустился вниз и встал чуть в стороне, дожидаясь, когда освободится другая девушка, высокая и рыжеволосая. Как нарочно, она разговаривала с парой пожилых французов, а остроносая тем временем стояла без дела. Пришлось ждать. Наконец, остроносая сняла трубку и стала говорить что-то по телефону. Антон Ильич быстрым шагом подошел к стойке, потеснил французов, всем своим видом показывая, что у него срочное дело. Французы ретировались, и рыжеволосая оказалась в его полном распоряжении. Она выслушала Антона Ильича, принесла карту отеля, добродушно разложила ее перед ним и показала, какие номера может предложить. Вместе они выбрали лучший, в соседнем корпусе, на последнем этаже, с видом на море. Там Антон Ильич и разместился.

За ужином было празднично. Гости пришли шумные и нарядно одетые, с визгом носилась детвора, играла музыка. Официанты разносили напитки, на столах горели свечи.

Отель был давней постройкой и, по всему было видно, что его лучшие времена остались далеко позади. Когда-то он блистал роскошью и принимал высоких гостей, а сейчас казался старомодным со своими тесными залами, низкими люстрами, велюровыми креслами со стертыми подлокотниками и прохудившимися коврами на полу. Тем не менее, помещение было отремонтировано, стены свежеры-крашены, картины, помутневшие от времени, подсвечены лампочками и смотрели с достоинством, претендуя на былой шик. Официанты, в белых рубашках и черных штанах, были опрятны, но просты точно рыбаки из ближайшей деревушки. С загорелыми до черноты лицами и неловкими руками, они не спешили угодить, да и вообще не отличались манерами.

Публика ужинала смешанная. Все здесь сидели вперемешку – и французы, и немцы, и англичане, и африканцы в своих ярких одеждах, и арабы, рассевшиеся целыми семьями с женщинами в черных покрывалах и множеством детей. Зал гудел разговорами на всяких языках. Антон Ильич сидел один, смотрел на это разноцветие народов, слушал мерный гул их непонятных языков, и чувствовал успокоение. В Москве сегодня выпал первый октябрьский снег, дороги подморозило, город встал в пробках, а здесь было так тепло и так беззаботно.

Вдруг он увидел в толпе знакомое лицо. Так и есть, девушка из самолета! Антон Ильич подскочил от неожиданности, и сердце у него замерло в груди. Так бывает, когда летом на лугу вдруг встречаешь большую красивую бабочку. Зачем она тебе и что ты будешь с ней делать – неясно, да ты и не думаешь сейчас об этом. Она такая красивая, что хочется бежать за ней, поймать, подержать в руках хоть немного и смотреть на нее еще и еще. А ведь она сейчас упорхнет! И ты бежишь за ней, бежишь просто так, наудачу, не разбирая дороги, не глядя под ноги и зная, что скорей всего бежишь напрасно – ее не поймаешь! Но все равно бежишь. Потому что не можешь не бежать – невозможно, нельзя упустить это счастье! Хочется приблизиться к ней хоть на мгновение, взглянуть хоть одним глазком, задержаться хотя бы взглядом, чтобы увидеть, чтобы запомнить! Чтобы сказать себе потом, что ты видел эту красоту и знаешь, что это такое... С этими мыслями Антон Ильич сидел и смотрел во все глаза, но девушка прошла мимо, даже не взглянув в его сторону, и села за столик у противоположной стены.

В самолете он заметил ее с самого начала. Ее место было чуть впереди, через проход, наискосок от него, так что ему хорошо ее было видно. Сначала он почему-то обратил внимание на платок на ее плечах. Они летели днем, и солнце всю освещало салон. Его лучи насквозь пронизывали самолет и лежали веселыми яркими пятнами на сиденьях, на полу, на лицах стюардесс. После обеда пассажиры стали прикрывать иллюминаторы, чтобы солнце не било в глаза и не мешало спать. Свет в салоне поутих, и перед Антоном Ильичом горел один только лучик, выхватывавший ярким сияющим пятном платок на плечах девушки. Он смотрел на него и никак не мог понять, какого он цвета. На свету ткань горела и переливалась, и казалась оранжевой, как само солнце. Та часть ее, что ускользала от света, была совсем другого оттенка – бледного, розового, почти фиолетового. Этот контраст солнечного оранжевого и тусклого розового почему-то не давал покоя Антону Ильичу. Он силился разглядеть, была ли это игра света, или рисунок на платке был попросту разных оттенков. Отчего-то ему непременно хотелось это выяснить. Он уже и сам был этому не рад и в один момент решил не думать больше о платке, и даже откинулся в кресле и нарочно закрыл глаза, хоть спать и не собирался, но сам не заметил, как приоткрыл веки и снова стал приглядываться к платку, вновь и вновь выискивая на его складках границу между светом и тенью и сравнивая цвета.

Через некоторое время где-то с грохотом опустилась шторка иллюминатора, и единственный солнечный лучик погас. Антон Ильич с удовлетворением убедился, что платок был весь

одинаковый, бледно-розового цвета, а сиять его оранжевым заставлял солнечный свет. Он с облегчением выдохнул и устроился в кресле поудобнее – теперь можно было забыть обо всем и подремать, но взгляд его, против его воли, снова устремился к платку и теперь остановился на его обладательнице, на плечах которой лежала розовая ткань, столько времени не дававшая ему покоя.

Он увидел светловолосую девушку, и даже глядя на нее отсюда, сбоку, Антон Ильич сразу понял, как хороша она была. Правильные черты лица, красивый профиль, приподнятый, резко очерченный подбородок и гордый величественный взгляд, смотрящий на все чуть свысока, словно происходящее рядом ее совершенно не касалось и то, что она сидит здесь вместе со всеми, было чистой случайностью. Одетая она была, в отличие от всех, не по-дорожному, элегантно – так иногда одеваются в дорогу пассажиры первого класса – в узкое бежевое платье без рукавов, открывавшее Антону Ильичу сильные, уже слегка загоревшие предплечья и стройные ножки, обутые в туфли на каблучке. У ног ее стояла кожаная сумка, пиджак она сняла – в салоне было и солнечно, и тепло, но не сложила, а подозвала стюардессу и велела повесить на плечики, сама же накинула вокруг шеи свой розовый платок. Неужели билетов в бизнес-класс не осталось, удивился про себя Антон Ильич? Впрочем, тут же вспомнил он, бизнес-класса здесь не было. Были лишь первые два ряда, отгороженные занавесками, куда посадили родителей с маленькими детьми.

Не может быть, чтобы такая девушка была одна, подумал Антон Ильич. Тем не менее, летела она одна. Два места рядом с ней занимала влюбленная парочка, они болтали без умолку, обнимались и целовались, сидели друг у друга на коленках, ерзали и возились всю дорогу. Девушка в розовом не обращала на них никакого внимания. Она ни с кем не разговаривала и ни на что не отвлекалась. Она вообще была на удивление спокойна, почти неподвижна. Сидела, не меняя позы, и как будто о чем-то думала. Понятно, о чем она думает, решил Антон Ильич – кто-то ждет ее на Крите.

Потом он перестал о ней думать. Лишь время от времени, в очередной раз подремав и приоткрыв глаза, он поглядывал сбоку на ее красивый профиль, любовался розовым платком на ее плечах, удивлялся все той же неустанной позе, тем же изящно скрещенным каблучкам и снова закрывал глаза. На душе у него становилось теплее.

В аэропорту она не попадалась ему на глаза, и он и думать о ней забыл. И теперь, увидев ее за ужином, он удивился, и почему-то обрадовался. Он и не думал, что она остановится в том же отеле, что и он! Сейчас, когда он увидел ее прямо перед собой, она показалась ему еще красивее, чем в самолете. Высокая, в длинной узорчатой юбке и майке какого-то нежного цвета, сливавшегося с кожей и обхватывающей ее чудесную фигуру так незаметно, что на мгновение ему показалось, будто сверху на ней ничего не надето. На запястьях играют браслеты, волосы распущены по плечам. Не только Антон Ильич обратил на нее внимание: греки-официанты обмирали на месте и оглядывались ей вслед, позабыв обо всем, будто в первый и последний раз в своей жизни наблюдали подобное чудо.

Она снова была одна. Похоже, они еще не встретились, подумал Антон Ильич. Значит, он не встречал ее в аэропорту? Наверно, он придет позже. Должно быть, ее избранник хорош собой под стать ей. Они, наверно, красивая пара.

Антон Ильич хотел еще пива и делал знаки официанту, но тот не замечал. Антон Ильич стал размахивать рукой сильнее, но тот все не смотрел в его сторону. Зато пожилая немка оживилась, решив, что Антон Ильич смотрит на нее. Поправила волосы, вытерла рот салфеткой и глядела прямо на него, лучезарно улыбаясь накрашенными малиновыми губами. Антон Ильич опустил руку и решил исчезнуть подобру-поздорову. Ужинать он закончил, а пива он и в баре себе добудет.

После ужина Антон Ильич зашел в номер переодеться. Он собирался выйти на улицу, прогуляться перед сном, а заодно и осмотреться на новом месте, но перед выходом прилег на минутку и не заметил, как задремал.

Проснулся он на рассвете. Кричали петухи. На улице светало, а в комнате горел свет, Антон Ильич лежал на кровати полностью одетый, даже ботинки были на нем. Он глянул на часы и ахнул от удивления: была половина восьмого по критскому времени – пора было подниматься. А он-то думал, было раннее утро, часов пять или шесть. Вставать не хотелось. Ему казалось, будто он и не ложился еще вовсе, и толком еще не спал. Он разделся, потушил свет и залез под одеяло. Но сон пропал. За окном свистело и стонало, скрипели от ветра ставни, шумели деревья.

Нехотя Антон Ильич откинул одеяло и вышел на балкон. В облачном утреннем небе занималась заря. Воздух стоял напряженный, как перед грозой. Ветер гудел и раскачивал деревья. Клонилась к земле и тревожно шелестела листва, трещали пляжные зонты у бассейна. Внизу желтой полосой тянулся берег, от него и до куда глаз хватает лежало море. Антон Ильич натянул плавки и пошел на пляж.

Отель оказался больше, чем он подумал вчера. Белые двухэтажные террасы стояли на разных уровнях и постепенно спускались ниже, к самому морю. У всех у них были одинакового цвета голубые двери и ставни. Белые арки тоже были обведены голубой краской, таким же бело-голубым орнаментом были покрашены перила, клумбы и деревянная изгородь, увешанная цветущими кустами. Несомненно, когда-то эти маленькие колоритные домики, разбросанные по зеленым холмам и соединенные между собой каменными тропинками, смотрелись очаровательно, к тому же, с их балкончиков открывался вид на бескрайнее синее море. Теперь же краски поблекли, и кругом видны были следы неухоженности и запустения. В ветках пальм, посаженных когда-то ровными рядами, торчали старые иссохшие листья, газон был не кошен, трава на нем росла вкривь и вкось, кусты клонились под тяжестью веток и свешивались буйными гроздьями цветов прямо на дорогу. И все бы ничего, если бы не ветер, который дул так зычно и порывисто, что сбивал с ног и заставлял Антона Ильича хвататься за перила, чтобы не упасть, когда он спускался по крутым каменным ступеням.

На пляже никого еще не было.

Из-за ветра море было беспокойным. У берега было совсем не глубоко, волны вскидывались на ветру и шлепались наперерез друг другу, звонко и пенисто ударяясь о песок. Ветер подхватывал брызги и уносил их, разбрасывая повсюду и перемешивая с колючим песком.

За холмами поднималось солнце. Половина берега была уже освещена. Лучи приятно грели затылок Антону Ильичу, воздух был сладким и теплым, но ветер не давал расслабиться – свистел в ушах, срывал одежду, да так и норовил ударить мокрым песком по лицу.

Появилась женская фигура. Полная дама в купальном костюме подошла к воде, ступила в море, но тут же одернула ногу. Несколько минут она постояла так, не решаясь зайти и прикрывая лицо от брызг, затем все-таки двинулась вперед. Долгое время вода в море не поднималась выше ее пухлых колен, и, в конце концов, она кое-как присела, окунулась, обтерла водой плечи и вернулась на берег.

Антон Ильич порадовался про себя, что не полез в воду раньше. Он скинул шлепанцы и пошел вдоль моря, ступая по прохладному песку. Волны накатывались на берег и ласково шлепали его по голым ступням. Песок под ногами был мелким и чистым, солнце грело все теплее, и все же Антон Ильич никак не мог почувствовать радости оттого, что отдых его начался. Он был вдали от московских холодов, впереди его ждали две долгие солнечные недели у моря, однако обычной отпускной неги никак не наступало. Он хотел бы ощущать себя по-утреннему бодрым, готовым к отдыху и новым впечатлениям, но вместо этого чувствовал себя разбитым и невыспавшимся. Ночь пронеслась незаметно, и ему все еще не верилось, что вчерашний день

уже позади. Да еще этот ветер! Разошелся не на шутку и то и дело больно хлестал по щекам мокрым песком. Черт бы его побрал, этот ветер, с досадой подумал Антон Ильич, утирая лицо. Неужели так будет весь отпуск?

К нему подбежали собаки. Одна приземистая, с короткой желтой мордой, другая изящная, гладкая, длинноногая. Обе завиляли хвостами, обнюхали Антона Ильича и пошли за ним как за хозяином. Желтая бежала позади, то отставая, то догоняя, а длинноногая шла рядом, в ногу с Антоном Ильичом, преданно заглядывая ему в лицо блестящими глазами. Втроем они дошли до пирса, взобрались на него и пошли до самого конца. Там, у самого моря, Антон Ильич остановился, расправил плечи и, глядя вдаль, глубоко вдохнул. Что это я, в самом деле, сказал он себе? Вокруг такая красота. А воздух, воздух! Он вдохнул что есть мочи, так что легкие раскрылись и наполнились до отказа, в носу защипало от запаха соленой воды и сладостной утренней свежести. Перед ним на горизонте плавно вытянулся остров, очертаниями напоминающий лежащую с поднятой головой собаку. Небо и море были одного цвета – светлого, лазурного, с серебристым отблесками восходящих лучей, и казались единым целым. Вода от ветра бежала мелкими барашками и мерцала на солнце. Волны шли одна за другой и были хоть не большие, но шумные – прыгали одна на другую, ударялись, падали на берег и разливались по песку белой шипящей пеной. Антон Ильич пригнулся от ветра, расставил пошире ноги, для устойчивости и, растопырив пальцы, раскинул руки в стороны и подставил лицо навстречу волнам и ветру, как будто стоял не на деревянном пирсе, а на носу корабля, в открытом море, один на один со стихией. Ветер трепал его за волосы и обдавал колючими солеными брызгами, но уже не злил. Наоборот, сгонял с него остатки ночной хандры.

Собака все это время сидела у его ног, и как только он повернулся, чтобы идти назад, поднялась и последовала за ним. На берегу их догнала вторая, и в таком же составе, как пришли, они отправились обратно.

На пляже снова кто-то был. Снова женская фигура, только на этот раз стройная и юная. Бог мой, прошептал Антон Ильич и замер на месте. Этого не может быть! Ему показалось, это опять она, девушка из самолета!

Быстрыми шагами он двинулся вперед, вглядываясь в силуэт, пока не убедился, что это действительно была она. Какая же она красивая! Он шел почти бегом, ничего не соображая и не думая, зачем он бежит и что ей скажет. Как будто какая-то сила влекла его к ней, и, казалось, иначе и быть не может: он должен приблизиться к ней, заговорить, поймать ее, пока она не упорхнула. Когда он был уже недалеко, вдруг остановился. Куда это он так разогнал? Вот он подбежит к ней, и что?

– Что я ей скажу? – пробормотал он вслух.

Сердце у него в волнении забилося. Подойти к ней? Но зачем ему подходить к ней? И что же он ей все-таки скажет?

Он стоял в замешательстве. Собаки стояли здесь же. А вдруг она заметила его? Какой-то чужак бежал к ней со всех ног, как будто собирался сказать ей что-то, а потом вдруг взял и остановился. Встал как вкопанный. Смотрит на нее, не отрывая глаз. Что она подумает?

Антон Ильич неловко переступил с ноги на ногу, потом отвернулся и стал смотреть на море. Взгляд его сам собой устремлялся к девушке, но он старался смотреть незаметно, не поворачивая головы. Заметила она его или нет?

Он сделал несколько шагов и зашел в море, будто бы стоял здесь не просто так, а собирался купаться и хотел попробовать, не холодная ли вода. Потоптался на месте, перебирая ногами в пенистой воде, а сам все посматривал на девушку. До чего же она красивая, снова подумалось ему! На ней был желтый купальник, похожий на спортивный – или сейчас такие в моде? – с металлическим кольцом посередине. На пояс она повязала платок – или это была такая юбка? – который развевался на ветру и открывал ее бедра и длинные стройные ноги. Волосы ее были забраны наверх, и она придерживала их руками, защищая от ветра. Отсюда

она казалась ему видением, лучиком света на фоне этого одинокого ветреного пляжа. Одна, тонкая, беззащитная, она стояла на берегу, а ветер бесцеремонно оголял ее ноги, трепал за волосы и – Антон Ильич знал – обжигал колючими брызгами ее нежную кожу. Антон Ильич не мог отвести от нее глаз и едва сдерживал себя, чтобы не пойти к ней и не укрыть ее от ветра.

Может, и правда пойти, думал он? Почему бы и нет? В конце концов, разве не может джентльмен позаботиться о девушке, раз уж они одни на этом ветреном пляже, и нет никого, кто мог бы предложить ей помощь? Если она хочет искупаться, он пойдет с ней, и она сможет опереться о его руку. Купаться одной небезопасно, тем более в такую погоду.

Антон Ильич уже повернулся, чтобы идти, но снова засомневался и остался стоять. Глянув на нее в очередной раз, он снова поразился ее красоте, ее совершенному грациозному телу. Он окинул взглядом себя и понял, что вид у него совсем не подходящий для знакомства с такой красавицей – в одних плавках, небритый, невыспавшийся. Да еще эти псы ни на шаг от него не отходят.

– Брысь! Идите! Идите отсюда! – цыкнул он на собак. Но те и ухом не повели.

Время шло, а он все стоял на месте, по щиколотку в воде. Собаки тоже не уходили.

Почему она встала так рано? Тоже решила искупнуться до завтрака? Встала ведь, не поленилась. Пришла на море, несмотря на ветер. Смелая девушка! Почему же ее кавалер не пришел вместе с ней? Еще не приехал? Задержался? Опоздал? Приедет только сегодня? Или все-таки приехал вчера, а сейчас спит в своей кровати?

Антон Ильич живо представил, как ее кавалер, высокий и статный, с лихим черноволосым чубом – такой же красавец, как и она сама – приехал вчера, поздно вечером. Как наконец раздался долгожданный стук в дверь, и как она побежала открывать, и с каким нетерпением бросилась ему на шею. И когда он, Антон Ильич, упал на кровать сразу после ужина и спал без задних ног, как был, в одежде и ботинках, тот, другой, не сомкнул глаз, всю ночь наслаждаясь ее жаркими объятиями. Немудрено, что утром он не встал. После такой-то ночи...

Однако надо что-то делать. Не стоять же здесь до вечера. Разговаривать с девушкой Антон Ильич не собирался – нет, он, конечно, хотел бы поговорить с ней, но не в такой момент и не в таком виде. Он решил идти своей дорогой, а по пути поздороваться как бы невзначай. Просто пожелать ей доброго утра. Ведь так поступают воспитанные люди, встречаясь поутру на пляже?

Сердце у него снова забилося, он и сам не понимал, отчего. Я просто поздороваюсь, твердил он себе, но чувствовал, что ноги становятся ватными и тонут в песке.

– Доброе... Кхм, доброе утро!

Он собирался произнести это самым обычным, непринужденным тоном, чтобы не выдать своего волнения, но когда уже начал говорить, испугался, что получается совсем уж сухо, и решил в конце хотя бы улыбнуться. Из-за этого голос его растянулся и прозвучал неуверенно, а когда девушка обернулась, на лице его блуждала глупая заискивающая улыбка.

Она обдала его холодным взглядом и отрезала:

– Здрасьте.

Произнесла она это таким тоном, как будто хотела сказать – вас тут только не хватало. И хотя Антон Ильич не ждал ничего от этого короткого приветствия, он почувствовал себя так, словно его ледяной водой окатили.

Девушка, видя, что он все еще не уходит, отодвинулась от него подальше – сделала несколько шагов своими длинными ногами, поправила платок на бедрах и встала спиной к нему, показывая, что не имеет ни малейшего желания находиться с ним рядом.

Антон Ильич понуро побрел к своему корпусу. Сам виноват, говорил он себе. Нечего было в таком виде подходить к ней. И зачем он вообще заговорил с ней? Лучше бы молча прошмыгнул мимо. Нашел время здороваться!

На часах было всего лишь десять минут девятого. Антон Ильич немало удивился: он-то думал, что провел на пляже часа полтора.

За завтраком ресторан был почти пустой. И куда все подевались, недоумевал Антон Ильич? На пляже ни души. На завтраке тоже. Неужели еще не проснулись? Сколько же можно спать? Или все, кроме него, нежатся в постелях после бурной ночи?

К полудню Антон Ильич почувствовал, что изрядно проголодался. Он взглянул на расписание, обед начинался в двенадцать тридцать, через полчаса. Ему живо представились длинные столы с обеденными блюдами, какие подавали вчера – печеной картошкой, обсыпанной ароматными специями, мусакой с нежными баклажанами, оливковым пирогом, сладкими помидорами, соленой фетой...

В половине первого Антон Ильич стоял у ресторана, но двери его были закрыты. Внутри горел свет, и чувствовалось какое-то движение. Вероятно, готовились открывать, решил Антон Ильич и вернулся в холл, держа однако двери ресторана в поле зрения и готовый вернуться в любую секунду. Вокруг было много людей, работал бар, наливали выпивку и коктейли. Антон Ильич глянул на часы, было двенадцать тридцать пять. Странно, что они так задерживаются. Может, из-за ветра не успели приготовить еду вовремя? Он прогулялся туда-сюда, стараясь придать лицу безразличный вид и не выдавать своего беспокойства. Время шло, а ресторан все не открывался. Антон Ильич огляделся. Не похоже было, чтобы кто-то еще волновался, как он. Люди вокруг потягивали напитки, разговаривали и смеялись. Казалось, никто не собирался выяснять, отчего обед сегодня задерживается. Может, он спутал расписание? Антон Ильич пошел к дверям и посмотрел. Нет, все верно, они должны открыться в половине первого. Что ж, придется ждать.

В час дня он понял, что что-то здесь не так. Он пошел на ресепшен и спросил, в сколько планируется обед. Ему ответили, что как всегда, в двенадцать тридцать. Тогда в чем же дело, изумился Антон Ильич? Он показал на свои часы, они показывали уже три минуты второго. Ах нет, не может быть! Он хлопнул себя по лбу. Оказывается, его часы шли на час вперед. Сейчас было только начало первого, ведь часы здесь перевели на зимнее время!

До обеда снова оставалось полчаса. Время тянулось медленно. В желудке тянуло от голода. Не зная, чем себя занять, Антон Ильич решил погулять по территории отеля. Он вышел на улицу, прошелся вдоль бассейна, свернул к самым дальним корпусам, обошел их узкой каменной дорожкой и вновь оказался у главного входа. Все это заняло меньше десяти минут, хоть он и старался шагать не спеша. Невыносимо хотелось есть. Стоять в холле еще двадцать минут и не сводить глаз с дверей ресторана казалось Антону Ильичу мучительной пыткой, и он решительным шагом направился к выходу из отеля. Он пошел вдоль дороги, вперед, куда глаза глядят. Кругом стояли кафе и ресторанчики, кое-где внутри сидели люди. Можно было поесть и ему, но Антон Ильич настроился на обед в отеле и решил не менять планов, разве что остановиться, посмотреть меню и прийти сюда как-нибудь в другой раз. Так он и сделал. Изучил одно меню, затем другое. Третье заведение показалось ему особенно привлекательным, с обширным перечнем национальных греческих блюд и большим выбором домашних десертов, выставленных на витрине. Антон Ильич увлекся, стал читать и, когда глянул на часы, они показывали двенадцать двадцать пять. Сердце у него екнуло.

Быстрым шагом он перешел улицу и пошел назад, все более ускоряясь и обгоняя неспешно прогуливающихся туристов. Мысль о том, что обед начнется без него и он, прождав так долго, теперь, вполне возможно, останется без столика, не выходила у него и головы. Он почти уже бежал.

На полном ходу Антон Ильич влетел в отель, промчался мимо изумленного швейцара, попытавшегося придержать для него дверь, но не успевшего. Не сбавляя темпа, направился к ресторану, ворвался в двери и устремился к столу в дальнем конце зала. Он присмотрел это

место еще вчера. Большой круглый стол на шесть персон стоял у окна, вдали от буфетов с едой, накрытый белой скатертью длиною до самого пола и украшенный вазой со свежими цветами. В считанные минуты Антон Ильич набрал в тарелку все, о чем мечтал, и принялся есть.

Когда он отнял голову от тарелки и огляделся, то заметил напротив, у стойки с посудой пожилого официанта. Тот наблюдал за ним и улыбался. Антон Ильич смутился. Тут только он понял, что ворвался в обеденный зал самым первым. Другие лишь только начали заходить и занимать столики.

Еще не раз Антон Ильич вставал к буфету и набирал в тарелку то одно, то другое, пока не насытился окончательно. Еда ему понравилась, и он блаженствовал, глядя в окно: к обеду облака разошлись, и небо стало ясным, по-курортному солнечным и безмятежным. Зеленые пихты росли у самого окна и касались ставен своими густыми пушистыми лапами, как будто хотели пробраться внутрь. Сквозь них виднелось море. Антон Ильич подумал о том, что вот эти краски, синие и зеленые, такие простые, совсем не экзотические, которые имеются всюду, где видно небо и растет трава, здесь были такими чистыми и ясными, как будто кто-то навел резкость в стеклах его очков, и он стал видеть все отчетливее и лучше.

Он вспомнил о том, как рано еще было – всего начало второго, и вздохнул с облегчением, как будто время, потерянное ночью, вернулось к нему сполна. Хорошо все-таки, что часы здесь перевели, подумал он. Можно спать до десяти по московскому времени, а здесь будет только восемь утра. Высыпаясь от души, но при этом чувствуешь себя настоящим жаворонком, способным даже на отдыхе подняться ни свет ни заря. Разве не чудесно, улыбался он себе?

Зал целиком заполнился людьми. Столики заставились едой, желающих пообедать было так много, что ресторан едва вмещал в себя гостей. Некоторые подолгу ходили по залу с тарелкой еды в руках, не зная, куда пристроиться, пока официанты не показывали на столик в каком-нибудь дальнем углу. Среди них Антон Ильич вдруг увидел свою знакомую. Он весь сжался и опустил голову, чтобы не попасться ей на глаза, но уже в следующую минуту смотрел на нее снова. Девушка из самолета держала в руках тарелку с едой и фужер с апельсиновым соком. Она оглядывалась вокруг в поисках свободного места и уже собиралась втиснуться за маленький неудобный столик у самого выхода на веранду, который нашел для нее грек-официант, как вдруг повернула голову и встретилась взглядом с Антоном Ильичом. Он замахал ей рукой, приглашая сесть к нему и показывая на свободные стулья и место перед собой. Она кивнула одними глазами и направилась к нему, протискиваясь сквозь людей.

– Присаживайтесь, присаживайтесь, пожалуйста, – Антон Ильич поспешно поднялся навстречу и пододвинул ей стул.

Девушка села. И лицо ее, и осанка хранили царственное величие, которое он отметил про себя еще в самолете. Она по-прежнему смотрела свысока и по-прежнему была умопомрачительно красива. Не проронив ни звука, она оглядела Антона Ильича.

Он съезился под ее взглядом. Только бы она не узнала меня, пронеслось в голове. И зачем я только заговорил с ней на пляже! Кажется, не узнала. Или все-таки узнала? По ее непроницаемому лицу невозможно было ничего понять. Она молчала и как будто чего-то ждала.

А-а, так она, должно быть, ждет, когда я уйду, догадался Антон Ильич!

– Ну, – проговорил он, поднимаясь из-за стола, – я как раз уже заканчиваю. Не буду вам мешать.

– Да вы не спешите. Здесь хватит места, – она указала глазами на его стул.

Антон Ильич подчинился и сел обратно.

В ее зеленых глазах мелькнула улыбка. Она взяла в руки приборы.

– Приятного аппетита, – сказала она не то ему, не то себе, и приступила к еде.

– Приятного, приятного, – Антон Ильич приложил руку к груди и чуть поклонился.

Наверно, она так рада возможности поесть за большим столом вдали от толпы, что даже не возражает против моей компании, решил Антон Ильич. Другого объяснения у него не было.

– Тогда я возьму еще чаю? – обрадовано спросил он.

– Возьмите, – разрешила она.

Антон Ильич попивал чай, она ела.

Он сгорал от любопытства, ему хотелось задать ей тысячу вопросов. Кто она? Почему снова одна? Почему ее кавалер не сопровождает ее на обед? Не ищет для нее столик? Не приносит ей еду? Не заказывает вина? Как она вообще здесь оказалась? Почему остановилась в этом отеле? И долго ли здесь пробудет?

Но он молчал. Он даже боялся спросить ее имя. Отчего-то он был уверен, что ей это не понравится.

– Вы всегда так рано встаете? – осторожно поинтересовался он, чтобы как-то начать разговор.

– Рано? – она пронзила его удивленным взглядом. – Разве это рано?

– На пляже еще никого не было.

– Ну, в общем да. Я никогда не любила долго спать. Даже в отпуске не могу заставить себя лежать в постели. Встаю как на работу, не позже семи.

– Понятно, – кивнул он.

– А вы?

– А я нет, – признался Антон Ильич.

Он рассказал ей свою историю о том, как он встал в полседьмого, сам того не зная, и отправился на пляж. Она ела, слушала его и улыбалась. Антон Ильич, вдохновленный ее улыбкой, продолжал и говорил о том, как удивлялся тому, что за завтраком не было ни души, как напрасно он ждал обеда, как мучился от голода и как потом вбежал сюда первым. Тут она не выдержала и рассмеялась в голос.

– Да, да! Я видела вас! Вы как торнадо промчались!

Они засмеялись вместе.

– Ну ладно, не буду вам мешать.

Антон Ильич поднялся, на этот раз твердо намереваясь идти. Когда они прощались, ему показалось, ее глаза смотрели на него чуть теплее, чем утром на пляже.

В следующий раз они встретились в тот же день в баре отеля. На улице стояла жара, и Антон Ильич зашел сюда за кружкой прохладного пива и увидел, что Юля – они все-таки представились друг другу за обедом – пытается заказать себе кофе. Она тоже сразу увидела его и улыбнулась. Бармен по имени Эвклид, с которым Антон Ильич успел подружиться, подмигнул ему и уже взял в руки кружку, чтобы, как обычно, налить ему пива, как вдруг Антон Ильич попросил у него стакан воды. Эвклид сделал удивленное лицо, но Юля, кажется, не заметила подвоха.

– Вы собираетесь пить здесь кофе?

– Собираюсь. Только никак не могу объяснить ему, что хочу капучино. По-моему, он не знает, что это такое, и собирается напоить меня вон тем кофе из кофейника, который у него стоит тут, наверно, с самого завтрака, и молоком из вон того вчерашнего пакета.

– Капучино он вам не сделает, как ему ни объясняйте.

– Да?

– У них здесь вообще нет нормального кофе.

– Правда?

– В отеле – нигде. Я уже проверял.

– Надо же! Как жаль.

Кажется, она расстроилась. Неужели так любит кофе? Тогда у него есть шанс...

– Вы тоже любите хороший кофе?

– Еще бы! Я без кофе вообще не могу. А мне еще столько дней здесь жить! Не представляю, что мне делать!

– Ну-у, – глаза Антона Ильича заговорщицки блеснули, – думаю, я смогу вам помочь.

– Вы? Как?

– Здесь рядом есть кофейня.

– Правда?

– Там делают отличный кофе.

– Правда?

– И капучино тоже.

Ее зеленые глаза заблестели.

– А где?

– Тут недалеко. Из отеля направо, и прямо, вдоль дороги, минут пять. Не доходя до перекрестка, метров за двадцать, по правой стороне, на углу.

По ее лицу пробежало сомнение. Бойтся, что не найдет? Может, он плохо объясняет? Или она не хочет выходить одна в незнакомый город?

– Пойдемте вместе? – рискнул Антон Ильич, понимая, что судьба дает ему шанс, который нельзя упустить.

Она растерянно посмотрела на него, и он, не дав сказать ей и слова в ответ, взял ее за руки и быстро произнес:

– Стойте здесь, никуда не уходите! Я только за кошельком сбегаю.

– Ой, мне тоже нужно в номер!

– Значит, встречаемся через пять минут. Здесь же.

– Давайте через пятнадцать!

Ему показалось, или в ее голосе прозвучала радость?

Уже стемнело, а они все сидели друг напротив друга и говорили, говорили.

Кафе-кондитерская стояло вдоль пешеходной дорожки. Ее называли променадом, и это была главная улица для прогулок, больше гулять здесь было негде. Из окон кафе хорошо была видна аллея, по обеим сторонам ее росли одинаковые пушистые пальмы и горели фонари. По вечерам сюда выходили туристы из всех близлежащих отелей. Местные жители тоже были здесь. Многие из них прямиком шли в кафе, словно приезжали в этот район отелей и туристов только ради чашки кофе и сладостей. Они подкатывали на машинах или мопедах, ловко пристраивали их на заднем дворе, забегали внутрь, брали кофе и скрывались за столиками.

Кафе было нарядным и очень оживленным. Можно было подумать, что сегодня здесь что-то праздновали, но нет, ничего необычного не происходило, был просто конец рабочей недели, и желающих отдохнуть за чашечкой кофе было немало. К вечеру посетителей стало еще больше, у витрины все время толпились люди, выбирая сладости и заказывая напитки.

Все внутри было мягких бежевых тонов – и стены, и барная стойка, и столики со стульями. Мебель стояла свежая, купленная совсем недавно, столы гладкие и блестящие, стулья крепкие и удобные. Две длинные стеклянные витрины напротив входа были до отказа заполнены сладостями, от обилия которых разбегались глаза. Аккуратными рядами лежали шарики и ромбики, трубочки и корзиночки, темные и белые, украшенные клубникой, вишней, завитком заварного крема или черного шоколада. Разноцветными прямоугольниками, словно набор акварельных красок, лежало мороженое на развес. Трехъярусная витрина крутила пышные торты. Все это мигало и светилось множеством золотистых лампочек, словно детская карусель, так что витрину невозможно было не заметить с улицы. Прохожие заглядывали в большие, до пола, окна, останавливались, разглядывали витрину и посетителей внутри.

Антон Ильич и Юля никого не замечали.

Их столик у дальнего окна освещался тихой зеленой лампой. Когда стало смеркаться, им принесли свечу, и стало еще уютнее.

– Вы удивительная.

– Правда?

– Да.

Она засмеялась.

– Чем же я вас так удивила?

– Никогда бы не подумал, что вы можете шутить. И смеяться.

Она расхохоталась еще громче, закинув назад голову.

– И это все, чем я вас удивила?

– Нет, что вы! Конечно, нет.

– Неужели? Есть что-то еще? Придумайте что-нибудь скорее. Ну же, прошу вас! Или, по-вашему, это комплимент? Сказать девушке, что ее главное достоинство это хорошее чувство юмора?

Она смеялась, а Антон Ильич продолжал совершенно серьезно:

– Вы необыкновенно красивая. Я вас еще в самолете заметил.

Она перестала смеяться.

– В самолете?

– Да. Я подумал, что у вас, конечно, кто-то есть.

– Правда? Почему же?

– Потому что... Вы все время о ком-то думали и ни на кого не обращали внимания. Ни с кем не разговаривали. Не читали книгу. Не спали. Я наблюдал за вами. Вы всю дорогу сидели и думали. Как будто... Как будто вы думали о ком-то. Как будто вам никто больше не нужен.

– Да нет же! Я просто думала... Да, это не важно. Так что еще вы обо мне подумали?

– Я подумал, что вокруг такой красивой девушки, несомненно, вьется стая поклонников.

– Да бросьте, какие поклонники!

Она махнула рукой, но Антон Ильич не поверил ее словам. Тогда она наклонилась к нему и сказала:

– Меня с восьмым марта в этом году никто не поздравил.

Она выразительно посмотрела на него, словно одна эта фраза должна была объяснить ему все.

– Только девочки на работе. Да мой бывший свекор поздравление прислал. А из мужчин никто. Вообще никто! Даже не позвонил никто. Понимаете?

Она выпрямилась и вздохнула.

– А вы говорите, поклонники.

– Вы так из-за этого переживаете?

– Из-за чего?

– Из-за восьмого марта?

Глаза ее потемнели.

– Ведь ноябрь уже на носу. Неужели вы до сих пор об этом думаете? Для вас это так важно?

Лицо ее застыло на мгновение, она отвела взгляд и отрезала:

– Нет.

Они помолчали.

– Значит, вы были замужем?

К ней снова вернулся обычный озорной тон, и в глазах заблестела улыбка.

– Была.

– Долго?

– Долго. Для меня, во всяком случае. Почти пять лет.

– Ого! Действительно долго.

Она вопросительно посмотрела на него, и он ответил, не дожидаясь ее вопроса:

– Я не был женат.

– Ни разу?

– Нет. Почему же вы расстались с мужем?

Она поставила чашку, которую держала в руках, и выдохнула:

– Потому что мой бывший муж ушел к моей бывшей лучшей подруге.

– Вот как? Простите меня ради бога...

Она рассмеялась.

– Это было три года назад, и я уже давно ни на кого не обижаюсь.

Антон Ильич не знал, что и сказать.

– Вообще-то, мой бывший муж изначально очень нравился моей маме, а не мне. Мы были на последнем курсе института. У меня была, как вы выразились, стая поклонников. Разношерстных, знаете ли, поклонников, но...

Она развела руками.

– Он сделал мне предложение, в отличие от всех остальных. И мама настояла, чтобы я согласилась. Мы сыграли свадьбу.

– Понятно, – кивнул Антон Ильич понимающе, хоть и не совсем понимал. Неужели такая девушка, как Юлия, могла выйти замуж по чьей-то указке?

– С самого начала меня не покидало чувство, что это все не мое. Понимаете?

Антон Ильич не понимал.

– Как вам объяснить? У нас и свадьба была какая-то не такая, и наше свадебное путешествие, и наша последующая семейная жизнь... Все было не так с самого начала. В свадебное путешествие мы все вместе поехали, мы с мужем и его родители, представляете?

Она расхохоталась.

– Мы собирались побыть два дня в Риме и разъехаться, мы должны были уехать на море, а родители собирались путешествовать по городам Италии. Но моему новоиспеченному свекру стало нехорошо с сердцем. Ничего серьезного, но пришлось нам остаться с ними. На море мы так и не поехали. Смешно теперь вспоминать...

Она задумалась о чем-то, и веселые искорки в ее зеленых глазах опять погасли.

– Я и свадьбой-то почти не занималась. Подруги все удивлялись, почему я такая спокойная? Не волнуюсь, не трясусь. А мне было как-то все равно, понимаете? Я только платье попросила купить мне то, которое мне понравилось. А все остальное – гости, ресторан, меню, какая разница? В глубине души я знала, что все закончится разводом. Я никогда не допускала мысли, что проживу с этим человеком всю жизнь. У меня всегда было такое чувство, что все должно быть по-другому. Мне казалось, что все, что со мной происходит, это временно, как какая-то репетиция, понимаете? А главное – настоящая жизнь и настоящие чувства – придут потом.

– И что, пришли?

Она так расхохоталась, что Антон Ильич подумал, что снова сказал что-то не то. Но она смеялась так заразительно, что он тоже заулыбался, глядя на нее.

– Еще в пути, – выдавила она сквозь смех.

– Как же вы продержались целых пять лет?

Она едва успокоилась и отдышалась.

– Сама не знаю. Я много раз хотела разойтись, но мама все время меня отговаривала. Она надеялась, что у нас все наладится. Но когда всплыла вся эта история, даже она согласилась, что нам надо разводиться. Теперь она боится, что я больше не выйду замуж и так и не рожу ей внуков.

– Понятно.

– Просто ей в свое время тоже не удалось сохранить семью. Бабушка не дала, ее мама. Она с самого начала была против моего отца и сделала все, чтобы мама развелась и вернулась домой. Так вот моя мама всегда говорила, что будет вести себя по-другому. Что будет поддер-

живать свою дочь, уважать ее выбор. В общем, так она и делает. Она всегда находит общий язык с моими подружками, все мои друзья ее просто обожают, потому что с моей мамой можно говорить обо всем. И потом, она очень современна, в курсе всего, что происходит в мире, и с ней правда очень интересно. Мой муж тоже ее обожал. Он общался с ней даже больше, чем я, звонил, спрашивал совета... Но теперь уже нет, конечно. После того, что произошло... Мама переживала даже больше, чем я. Она ведь тоже хорошо знала ту мою подругу.

– И с тех пор вы ликвидировали подруг?

– Как в том фильме?

Она снова рассмеялась.

– И поэтому даже путешествовать предпочитаете в одиночестве, без подруг?

– Нет, я не против подруг. Просто сейчас не сезон отпусков. Подруги все работают.

Антон Ильич смотрел на нее и все не мог поверить, что эта удивительная девушка одна. У него в голове не укладывалось, как такая красавица могла оставаться в одиночестве. Ну, допустим, неудачный студенческий брак, размышлял он про себя.

Молодые были, поторопились, с кем не бывает? Но прошло уже столько времени! Пять лет в браке с человеком, которого не любила с самого начала, да плюс еще три года... И за все это время не нашлось мужчины, который стал бы нее достойным и единственным? Почему? Как такое может быть? Он видел, какими глазами смотрят на нее мужчины. Несомненно, те из них, что побойчее, пытаются ухаживать за ней. Невозможно, чтобы такая красавица оставалась без внимания, невозможно! Если только... Должно быть, дело в ней? Выходит, она сама не подпускает к себе никого? Но как? Почему? Требуем от мужчин невозможного? Ждет какого-то идеала? Однако она не производит впечатления наивной барышни, витающей в облаках. Наоборот, она кажется на редкость разумной и рассуждает обо всем на удивление здраво. Или, вдруг подумал Антон Ильич... Все дело в том, что она не может забыть кого-то? Ну конечно! Вот в чем дело. Есть кто-то, кто давно и надежно занял место в ее сердце, а все остальные просто меркнут в сравнении с ним. Только этим можно объяснить ее одиночество.

– А тот, кто нравился вам? – спросил Антон Ильич.

Она посмотрела на него удивленно.

– Кто?

– Где он теперь?

– С чего вы взяли, что мне кто-то нравился?

– В той стае разношерстных поклонников наверняка был один, кто нравился вам.

В ее глазах заплесала улыбка.

– Был такой, – призналась она. – Вы правы.

– И что же?

– Да ничего. У нас как-то не сложилось.

Антон Ильич вопрошающе смотрел на нее – ему и впрямь хотелось узнать правду, – и она глубоко вздохнула, подняв и опустив плечи, и сказала:

– У него была девушка. Вернее, даже не девушка, а жена. То есть... Ну знаете, как это бывает? Они не были расписаны, но у них родился ребенок. И я, как только узнала об этом... В общем, я сразу решила, окончательно и бесповоротно, что у нас с ним ничего не выйдет. Сейчас-то я, наверно, по-другому бы поступила. Нет, вы не подумайте, я не хочу сказать, что стала бы уводить человека из семьи, конечно нет. Просто не торопилась бы так. Постаралась бы разобраться. Выслушала бы, по крайней мере... А тогда!

Вот это больше похоже на правду, подумал Антон Ильич.

– Тогда я была очень упряма и категорична. Сказала нет – значит нет, и точка.

Антон Ильич кивнул. Он вспомнил, как она посмотрела на него на пляже, и передернул плечами.

– У меня все было или черное, или белое. Так что у него не было ни одного шанса что-то мне объяснить.

– И что потом? Вы больше не встретились с ним?

– Нет. Потом он уехал и с тех пор живет в другой стране.

– Вы жалеете об этом?

– Я? – она удивленно вскинула брови. – Жалею?

– Ну как же...

– Да бросьте! – перебила она. – Не о чем жалеть. Я не из тех, кто мечтает вернуть первую любовь. Я считаю, всему свое время. Не получилось тогда, значит, так надо было. Значит, не судьба. Надо идти дальше.

Как хорошо она все-таки рассуждает, снова с восхищением подумал Антон Ильич!

– Вы абсолютно правы, – согласился он.

Официант унес пустые бокалы. Часы показывали половину десятого.

– Я оставил вас без ужина в отеле.

Она засмеялась.

– О чем вы говорите! Чего я там не видела, на этом ужине? Каждый год одно и то же.

– Вы здесь каждый год бываете?

– Не здесь. Но какая разница? Ты едешь в такой же отель, только в другой стране. Там такое же море, ну может, немножко другое, такой же ужин, такая же еда... Все одно и то же...

Она говорила это по своему обыкновению с улыбкой, но глаза ее светились грустью, и она не пыталась скрыть, что от этих мыслей ей грустно. Антон Ильич не переставал удивляться ей. Такая искренняя, открытая, без притворств, такая понятная ему и похожая на него в своих мыслях и в своих суждениях, как будто они выросли в одном дворе и ходили в одну школу. Да может ли быть, чтобы эта сказочно красивая девушка оказалась еще и такой... такой... он не мог подобрать верного слова... такой родной? Она нравилась ему все больше. Он смотрел на нее как замороженный, словно никак не мог поверить, что это не сон и что она сидит здесь, перед ним, разговаривает с ним, улыбается ему, смотрит на него своими изумрудными глазами...

– Подождите, подождите, – прервала она его мысли и строго пригрозила пальцем. – Вы меня в сторону не уводите.

О чем это она?

– Вы меня расспросили обо всем, теперь ваша очередь признаваться.

– В чем признаваться?

– Почему вы до сих пор один?

– Ждал такую как вы, – выпалил Антон Ильич автоматически и сам понял, что только что произнес такую заурядность, такую пошлость, какую можно было произнести разве что, желая намеренно оскорбить такую девушку как Юля. Она вполне могла бы обидеться на него, и была бы права – после ее-то откровений.

Но Юля не обиделась. Она посмотрела на него и прыснула со смеху.

– Простите меня, – сказал Антон Ильич и тоже засмеялся вместе с ней.

– У вас на все вопросы есть такие заготовки?

Она смеялась над ним, а он и рад был.

– Вам самому-то не скучно на свиданиях?

Она хохотала. Что за девушка, восхищенно думал Антон Ильич!

– А если серьезно?

– Серьезно? Ну, как вам сказать...

Что ей ответить? Выдумывать что-то он не хотел. Скажу, как есть, решил Антон Ильич и честно признался:

– Я не знаю.

– Не знаете?

– Нет. Понимаете, как только я влюбляюсь, что-нибудь обязательно случается.

– Что, например? – она вся подалась вперед, словно боясь прослушать, что он скажет.

– Что-нибудь такое, из-за чего мы не можем быть вместе. Она внимательно взглянула в его глаза и, было видно, сделала про себя какие-то выводы. А вслух сказала не то в шутку, не то всерьез:

– А вы не влюбляйтесь.

– Как это?

– А так. Не влюбляйтесь, и все будет в порядке.

– Вы думаете?

Она кивнула.

– Я попробую.

Обратно возвращались через пляж – решили подышать вечерней прохладой и размять ноги после долгого сидения в кафе.

Пляж тускло освещался с берега, и Антон Ильич то и дело подавал Юле руку, чтобы она не оступилась. Песок под ногами лежал неровно. В конце концов она уже не отнимала свою ладонь, и они шли по берегу, держась за руки. Вдали слышались звуки музыки, это развлекали гостей после ужина, а здесь было тихо, только море шелестело у ног. Ветер успокоился и мягко обдавал лицо влажным соленым воздухом. В небе горели две-три маленькие далекие звездочки. Больше ничего не было видно. Лишь однажды в темноте зажглись яркие веселые огоньки: это круизный лайнер, огромный как дом, расцвеченный множеством фонарей, проплывал мимо.

Антон Ильич, впечатленный происходящим с ним, шел, не чуя собственных ног. Рука его дрожала от волнения, когда к ней прикасалась Юлина ладонь, и всякий раз, подавая ей руку, он боялся, что она заметит это. Но вот она сама взяла его за руку и больше не отпускала. Они молчали, но Антон Ильич чувствовал, что между ними что-то происходило, как будто они продолжали начатый в кафе разговор, и каждый шаг, каждое сжатие руки, каждый вздох о чем-то говорил.

Он не знал, о чем думала Юля, но сейчас она казалась ему такой близкой, словно за эти несколько часов они прошли тысячи километров навстречу друг другу. От ее прежней холодности не осталось и следа. Еще недавно такая непонятная ему и неподступная, она теперь была совсем другой, близкой, понятной, улыбчивой. Она понимала его с полуслова, как будто они были знакомы много лет. А как она смеялась его шуткам! Бог мой, покачал головой Антон Ильич, до чего же с ней хорошо! Ему хотелось и дальше идти с ней вдоль моря, и вот так же молчать, и слушать, как она шагает рядом, как шебуршит в темноте ее платье и сыплется под ее ногами песок. Ее ладонь доверчиво лежала в его руке, и ему мечталось, что и она думает о том же и идет рядом с ним так, будто могла бы идти за ним вечно.

Ему все еще не верилось, что все это происходит с ним наяву и что девушка из самолета – та самая, в розовом платке – идет сейчас рядом с ним. Никогда, никогда бы он не подумал, что может рассчитывать на внимание этой девушки! Ему бы и в голову это не пришло. Ни за что бы не осмелился он подойти к ней и уж совсем не предполагал, что сегодня – уже сегодня! – он проведет с ней целый вечер. Да какой вечер! У Антона Ильича в груди распирало. Он ощущал себя как человек, нежданно-негаданно получивший подарок, о котором он и мечтать боялся, и вот, получив его, ему хотелось кричать от радости, смеяться и благодарить, неважно кого – море, небо, саму жизнь – за это неожиданное счастье. Все это было написано на его лице, выражавшем смесь радости, восторга, удивления и благодарности.

Но вот и отель. Пора было прощаться.

Антон Ильич, не выпуская Юлиной руки, галантно поднес ее к губам и поцеловал. В тишине колокольчиком зазвенел ее смех, и он не понял, хохочет ли она оттого, что одобряет

его, или смеется над ним с его старомодными манерами. Впрочем, ему было все равно. Он нехотя отпустил ее руку и спросил:

– Завтра снова купаемся до завтрака?

Она кивнула.

– Во сколько?

– Давайте в семь, как обычно.

– Давайте. А можно в семь пятнадцать?

– Можно. Но я буду в семь.

– Хорошо.

– Ну, спокойной ночи?

– Спокойной ночи.

Он поклонился. Она коротко засмеялась и пошла к дверям.

– Желаю вам разноцветных снов! – крикнула она ему на прощанье.

На этот раз Антон Ильич крепко проспал до самого утра. Проснулся он от будильника и, открыв глаза, не сразу понял, где он.

За окном сегодня было тихо и ясно. На душе у Антона Ильича тоже было хорошо. Он чувствовал себя выспавшимся и полным сил. И было еще какое-то чувство, приятное, едва уловимое, словно напоминание о чем-то хорошем, что с ним произошло или только должно было произойти. Что же это, что? Юля, вдруг вспомнил он и подскочил на кровати! Перед глазами возник вчерашний вечер, Юлино лицо, ее улыбка, ее рука в его руке, ее звонкий смех, зеленые искорки в ее глазах, и на сердце теплой волной разлилось предчувствие всего того, что ждало его впереди. В горле запершило, защемило от счастья, он как будто знал наверняка, что сегодня должно было произойти что-то очень хорошее.

Он сладко потянулся, откинул одеяло, бодро вскочил с кровати и вдруг, сам не понимая, как это могло произойти, взмахнул руками, покрутил головой, разминая шею, а потом взял да и сделал пару приседаний. Такого с Антоном Ильичом отродясь не случалось.

На часах было пять минут восьмого. Время быть на пляже! Он мигом собрался, схватил полотенце, выскочил из номера и побежал на улицу, к морю.

Юля уже стояла на берегу.

– Пойдемте в ту бухту, – она показала рукой, – там глубже.

Вода обожгла ноги холодом. Антон Ильич поежился. Как и вчера, никто кроме них с утра не купался. Может, вернуться на берег? А искупаться днем, когда вода немного прогреется? Он хотел предложить это Юле, но она, в отличие от него, уже уверенно шла в море, не обращая внимания на холод и колющие брызги волн. Неловко было отставать от нее. Антон Ильич потер ладони и со словами «эх, была – не была!» ринулся в воду, вытянул руки вперед и с шумом бухнулся вниз головой в набегающую волну.

Завтракали на веранде. Антон Ильич снова выбрал удачное место, поодаль, в тени деревьев, и они наслаждались едой под открытым небом. В утренней тишине верещали птички. Солнце поднялось и жарило бы весьма ощутимо, если бы не пихты, укрывавшие их столик густыми ветвями.

Оба ели с удовольствием – утреннее купание бодрило и пробуждало аппетит. Откуда-то появились кошки, сначала одна, потом еще две, и еще. Кубарем выкатились котята, игривые, шустрые, громкие. У других столиков тоже крутились и мяукали коты. Их было множество, всех размеров и мастей. Они не казались ни бездомными, ни хищными, шерсть у них лоснилась, глаза лениво шурились и смотрели требовательно, как будто они привыкли получать здесь свою порцию корма. Внутри их не пускали, а здесь, на веранде, они чувствовали себя как дома, ходили между столами, запрыгивали на перила, терлись о ноги и тянулись наверх, выманивая

еду. Юлю это приводило в восторг. Она умилялась им, гладила их и кидала кусочки колбасы, стараясь сделать так, чтобы доставалось всем по справедливости.

– Вы любите животных? – спросила она Антона Ильича, который до сих пор не бросил ни кусочка со своей тарелки.

Антон Ильич замялся. Если скажу «нет», сразу упаду в ее глазах, понял он. Скажу «да», а она спросит: тогда почему вы не гладите их за шкирки и не даете им колбасы?

– У меня появилось здесь два лохматых друга, – загадочно сказал он.

– Как это? Каких друга? Где?

– На пляже.

– На пляже?

– Да.

– И кто же это?

– Я представлю вам их сегодня.

Она расхохоталась.

После завтрака они распрощались.

– Увидимся, – неопределенно сказала Юля и поспешила к себе.

Антон Ильич видел, что, хоть она и соглашалась проводить время с ним – купаться с утра и вместе завтракать после – она все же держалась на расстоянии. Сегодня она была улыбчива и смешлива, точно как вчера, но в ней чувствовалась какая-то сдержанность и отстраненность. Она как будто говорила ему, что, каким бы прекрасным ни был вчерашний вечер, это вовсе не означает, что теперь они будут вместе все время. Ему позволялось встречаться с ней поутру, он мог пригласить ее на завтрак, но не более того. Она как будто боялась, что Антон Ильич неверно истолкует ее вчерашнюю откровенность и станет настаивать на большем. Но Антон Ильич и не думал настаивать.

Он ни на что не рассчитывал и вообще ничего не загадывал наперед. Он был счастлив тем, что снова видел Юлю, что вчерашний вечер оказался не сном и наутро она никуда не исчезла, а сидела перед ним, красивая и зеленоглазая. Одна только мысль, что здесь, в этом отеле есть Юля, заставляла его трепетать от радости. Она есть! И от этого ему было хорошо.

После завтрака он отправился на пляж. Сюда сегодня высыпал весь отель. Погода наладилась, ветер совсем утих, день обещал быть ясным, и никто не хотел упустить возможности пожариться на солнце – кто знает, быть может, это последний солнечный денек в этом году. Мест не хватало. Благо, Антон Ильич подумал об этом еще утром и занял зонтик и два лежака под ним у самой кромки моря.

Кругом царило веселье. Из кафе неслась музыка, на мелководье кричали и резвились дети, взрослые играли в пляжный волейбол. Соседями Антона Ильича была арабская семья. Они не снимали своих платков и платьев до пят, даже когда купались, однако закрытая одежда не мешала им веселиться, они носились друг за другом, кидались мокрым песком, толкались и играли как малые дети. Стоило Антону Ильичу подняться на ноги, чтобы прогуляться вдоль моря, как к нему подбежали его старые друзья, собаки. Снова вдвоем, снова виляя хвостами, и снова длинноногая пошла за ним как за хозяином.

Солнце горячо припекало. Прохладные волны приятно ласкали ноги. Море блестело в солнечных лучах. Наверху на холмах пышными гроздьями цвели деревья. Глядя на эту летнюю жаркую картину, Антону Ильичу не верилось, что стояла глубокая осень и что всего через месяц наступит зима.

Когда он вернулся, около своего зонта он увидел Юлю. Она была в длинном сарафане с открытой спиной, лицо ее прикрывала от солнца соломенная шляпка, в руках она держала такую же плетеную из соломы сумочку.

– Это ваше место?

Антон Ильич кивнул, приглашая ее садиться и располагаться.

– Я только пришла, а здесь уже все занято. Можно, я опять к вам подсяду?

Антон Ильич был счастлив.

– Кажется, это уже стало традицией, – улыбнулась Юля.

Они расположились под его зонтом. Юля попросила развернуть ее лежак головой в тень, ногами на солнце, скинула сарафан, осталась в одном купальнике, достала из сумочки книжку и уселась читать.

Антон Ильич достал газету, принесенную ему утром в номер, и тоже сел читать. Однако взгляд его сам собой соскальзывал с газеты и тянулся к Юле. Ему нравилась эта легкость, эта милая небрежность, с какой она быстро и по-свойски устроилась у него под зонтом. Казалось, ее вчерашняя доверчивость к нему снова вернулась. Ее лица ему не было видно, зато он мог любоваться ее длинными ногами, вытянутыми на солнце, и выбившимися из-под шляпки прядками волос на ее шее. Он обратил внимание, что сегодня на ней был другой купальник, зеленый, с красными бретельками, которые она ослабила и опустила с плеч... Однако, одернул себя Антон Ильич, что это я устался на нее? Это уж совсем неприлично! Он встряхнул в руках газету и снова взялся за статью на передней полосе.

До чего же она красива, подумал Антон Ильич, не одолев и нескольких строк. Он снова любовался Юлей поверх своей газеты и ничего не мог с собой поделать. Эдак она сбежит от меня, пойду лучше, выпью чего-нибудь, решил он. Сложил газету и поднялся.

Юля глянула на него краем глаза, но ничего не сказала.

Антон Ильич снова прошелся по пляжу, окунулся в море, посидел в баре у бассейна, выпил холодного пива, поболтал с Эвклидом и уже не знал, чем еще себя занять. Глазами он все время поглядывал на Юлю, проверяя, как она и не нужно ли ей чего. Он мог бы до вечера сидеть около нее и любоваться ею, но больше всего он боялся спугнуть ее, показавшись чересчур навязчивым. Он хотел, чтобы Юля отдыхала и чтобы никто не докучал ей, и, прежде всего, он сам.

Перед тем, как идти обратно, он попросил Эвклида приготовить какой-нибудь особенный коктейль.

– Для дамы? – догадался тот. – Сейчас все будет сделано!

Этот грек на удивление хорошо владел русским, и Антон Ильич был уверен, что он учился где-нибудь в России. Но Эвклид заверил его, что никогда там не бывал, а язык выучил здесь, общаясь с гостями отеля. Антон Ильич ему не верил, но всякий раз, когда он спрашивал об этом, грек отшучивался – закатывал глаза кверху, складывал ладони в молельном жесте и отвечал:

– Это дар богов. У нас в Греции, на этой благословенной земле, до сих пор случаются такие чудеса.

Он приготовил коктейль из мороженого и свежих фруктов, налил его в большой изогнутый фужер, сверху выдавил сливки в форме сердца, украсил дольками клубники и отдал Антону Ильичу, заговорщицки подмигнув:

– Работает. Я сам проверял.

Юля, кажется, обрадовалась.

Больше Антон Ильич не смел ее тревожить.

Пришло время обедать.

– Может, вы опять ко мне присоединитесь? – осторожно поинтересовался он.

Юля оторвалась от книжки и посмотрела на него. В глазах ее читалось сомнение.

– Давайте не будем нарушать традицию? Я заказал столик в таверне, – он показал на маленький ресторанчик с тенистой крышей, стоявший прямо над пляжем.

Юля все еще сомневалась.

– Вы же не хотите искать себе место в общем ресторане, как вчера? – достал Антон Ильич свой последний козырь.

Глаза ее прищурились.

– Я подумаю.

– Хорошо, – обрадовался Антон Ильич, как будто она уже дала согласие. – Подумайте. Если надумаете, приходите.

Официант как раз поставил перед ним тарелку с супом и дымящуюся фоккачу, пожаренную на огне, когда администратор подвел к его столику Юлю. Так уж получилось, что они снова обедали вместе.

Когда они закончили, Антон Ильич сказал:

– Давайте не будем больше полагаться на случай и сразу договоримся. Приглашаю вас на чашечку кофе в наше кафе.

– Я бы с удовольствием, но не могу. Я записалась на массаж.

– Тогда после вашего массажа?

– Давайте.

– Во сколько вы освободитесь?

– Ну... Наверно, где-то около пяти.

– Я буду ждать вас в баре отеля.

В половине пятого Антон Ильич занял стратегическую позицию: сел за столик у стены так, что ему были видны все, кто заходят и выходят из бара. На столе перед ним стоял белый фарфоровый чайник с голубым узором, две чашки с блюдцами, две тарелки и приборы. Посередине стоял поднос, закрытый высокой полукруглой крышкой, какие используют в ресторанах для подачи горячего блюда. Сам он был выбрит и надушен. В белой выглаженной рубашке, черных брюках и ботинках, он выделялся на фоне окружающих, заглядывавших в бар шлепанцах и купальных костюмах. Было видно, что Антон Ильич здесь по делу.

Юля появилась в начале шестого. Она пришла запыхавшаяся, как будто бежала всю дорогу. Не поздоровавшись и почти не глядя на Антона Ильича, она сходу выпалила:

– Зря мы договорились на пять. Я еле успела.

– Юленька, ну что вы! Не надо было так торопиться...

– Что значит, не надо было торопиться?

– Я мог бы подождать еще.

– Да куда уж еще? – воскликнула она и всплеснула руками. – Я и так уже опоздала! Ненавижу опаздывать. Я никогда не опаздываю! Ух-х!

Она почти упала на стул. Лицо ее покраснелось, щеки пылали. Было видно, что она не успела толком собраться, на лице ее не было ни грамма косметики, волосы на голове были еще влажными, на лбу блестели капельки пота. Антону Ильичу она снова показалась красавицей.

– Я даже звонила вам, чтобы перенести встречу.

– Как? Мне не...

– Вас уже не было в номере. Пришлось быстро собираться и бежать.

– Юленька, – мягко произнес Антон Ильич, желая поскорее ее порадовать, – а у меня для вас сюрприз.

– Какой еще сюрприз?

– Лучшие кондитеры острова Крит приготовили для вас...

Он поднял крышку и, держа ее навесу, торжественно произнес:

– Вуаля! Примите мои запоздавшие поздравления! От самого сердца!

На подносе стоял маленький нарядный тортик, весь воздушный, белоснежный, обсыпанный кокосовой стружкой. Сверху красовалась надпись, выведенная по-русски – «С 8 Марта!».

– Йогуртовый. Некалорийный. Как вы любите.

Юля молча переводила взгляд с торта на Антона Ильича и обратно, словно никак не могла понять, что все это значит. Глаза ее потемнели.

– Что это? – выдавила она наконец.

– Как что? Поздравление с восьмым марта. Вы же сами вчера рассказывали...

– Вы что, издеваетесь?!

Она не дала ему договорить, встала и пошла прочь.

Антон Ильич бросился за ней, все еще держа в руке крышку:

– Юля! Юля! Подождите! Простите, ради бога! Я не хотел вас обидеть! Пойдите, дайте же мне объяснить! Выслушайте меня, прошу вас!

Она остановилась и посмотрела на него. Взгляд у нее был мрачный.

– Сейчас я вам все объясню. У меня в жизни был такой же случай. Да нет, не с тортом, конечно! А с телевизором. То есть не с телевизором, а с конструктором. Я вам объясню. Пойдемте сядем. Я должен рассказать вам все. Пожалуйста! Я вас очень прошу. Дайте мне все объяснить.

Антон Ильич настаивал, надеясь, что Юля не забыла о вчерашних своих словах о том, что в эти дни она поступила бы иначе и позволила бы человеку объясниться. Это помогло. По ее взгляду он понял, что она подумала о том же, и отказываться от своих слов ей было неловко – она должна была выслушать его.

Они вернулись за стол.

– Хотите, торт я уберу, раз он вам не нравится. Пойду сейчас же отдам его Эвклиду. Пусть угостит кого-нибудь.

– Нет уж, оставьте.

– Как скажете. Так вот. Понимаете, в чем дело, однажды на день рождения я очень ждал подарка. Мне тогда исполнилось лет девять. Обычно утром просыпаешься и получаешь подарок. В тот день ничего не было. Я очень расстроился, но постарался не подавать виду, вроде взрослый парень уже. Уже день, а ничего нет. Я не знал, что и думать. Все помнят про мой день рождения, поздравляют, обнимают, а подарка все нет. Наконец, матушка говорит: вечером поедem в «Детский мир» и вместе купим тебе подарок, мы с папой присмотрели для тебя кое-что необычное. Я сразу понял – конструктор! Я давно о нем мечтал. Знаете, были такие конструкторы, из них можно было собрать разные штуки. Я мечтал о таком, из которого можно было собрать телевизор. Настоящий маленький телевизор, черно-белый. Был рабочий день. Мы с матушкой ждали, пока отец придет с работы. Я не отходил от окна, высматривая отцовскую машину, а потом так вообще сел под дверь в коридоре и никуда не уходил, чтобы, как только он придет, сразу же ехать. Наконец-то он пришел. Мы поехали все вместе, втроем. И приехали к самому закрытию. Нас не хотели пускать, но матушка упростила их, сказала, что ребенок весь день ждал, что у него сегодня праздник. Нас пустили в магазин с условием, что мы быстро все купим. Мы бегом побежали в отдел, где продавались конструкторы. И тут выясняется, что отец перепутал цену. У него не было столько денег. У мамы тоже. Родители стали ссориться. Вместо того чтобы выбрать мне хоть что-нибудь на те деньги, которые у них были, они стали выяснять отношения. Закончилось все тем, что пришел охранник, и нас всех выставили из магазина.

– И что было потом? – притихшим голосом спросила Юля.

– Ничего. Мы вышли. Как сейчас помню: стемнело, мы стоим на ступеньках. Железный Феликс стоит рядом.

Я чуть не плачу. Дождик накрапывает. Родители окончательно поссорились. А про мой день рождения вообще забыли. Такой вот у меня был праздник.

Вдруг у Юли из глаз ручьем хлынули слезы. Она опустила голову и зарыдала, не в силах больше сдерживать себя.

Антон Ильич опешил. Потом вскочил, кинулся к бару, схватил пачку салфеток и подал ей. Она вытерла лицо и проговорила сдавленным голосом:

- И чем все закончилось?
- Ничем. Так вот и закончилось...
- Подарок-то вам подарили?
- Да я не помню уже.
- Ну хоть что-нибудь они вам подарили в тот день или нет?
- Конфеты, наверно, какие-нибудь купили к чаю.
- А как же конструктор? – она подняла на него заплаканные глаза.
- А конструктор так и остался детской мечтой.

Она снова опустила голову и заплакала.

- Юленька, ну что вы плачете? Ну, не надо. Прошу вас. Скажите, что мне сделать?

Он снова поднялся со своего места и стоял рядом с ней, не зная как быть. Юля плакала. Он боялся прикоснуться к ней и не знал, как ее утешить.

- Юленька, прошу вас. Вы опять из-за торта?

Она покачала головой.

- А из-за чего же?

- Вас жалко.

Наконец она успокоилась. Антон Ильич налил ей чаю и виновато глядел на нее, не зная, что сказать. Наконец, она подняла глаза и улыбнулась, впервые за эту встречу. Взгляд ее потеплел, и ее лицу вернулось то трогательное, беззащитное выражение, которое так запомнилось Антону Ильичу вчерашним вечером.

- Как вы это сделали?

- Что?

- Надпись на торте.

– А, надпись... Пошел в наше кафе и увидел там красивый торт. Но он был большой, мы бы его не съели. Попросил показать мне маленькие, на двоих. Они показали. Там был один, самый популярный у них, в виде сердца, весь такой розовый, знаете ли, романтический. Они мне его очень рекомендовали. И я уже чуть не взял, но потом почитал состав и понял, что вы такой есть не станете, он очень жирный, там сверху крем таким вот слоем лежит, представляете? Так что пришлось выбирать другой, полегче. И я выбрал вот этот, йогуртовый.

- А надпись? – тихо спросила Юля.

- А надпись они делают прямо на месте.

- Но она же на русском.

– Да. Я нарисовал им эскиз на бумажке, и они с него срисовали. На все про все ушло не больше часа. Сложнее было найти этот поднос с крышкой, чтобы сделать вам сюрприз.

- И где же вы его раздобыли?

- Здесь, в баре. Использовал все свои дипломатические способности.

- Дипломатические? Или финансовые?

- Все!

- Покажите мне.

- Что?

- Ваш эскиз.

Антон Ильич смутился.

- Того эскиза у меня нет, кажется, я его там и оставил. Есть только...

Он полез в карман брюк и достал скомканный листок бумаги.

Юля развернула его и увидела нацарапанные карандашом буквы «Ю от А». Рядом другой рисунок – сердечко. С обратной стороны еще один – английское «love». Было видно, что Антон Ильич пробовал разные варианты, которые уместились бы на маленькой поверхности торта.

Она бережно сложила листок и положила в сумочку. Потом посмотрела на Антона Ильича и, подумав немного, сказала:

- В кафе мы, наверно, уже не пойдем сегодня. Давайте лучше поужинаем?
- Конечно, – оживился Антон Ильич. – Где вы хотите поужинать?
- Я не знаю. Мне все равно.
- Хотите, пойдем в таверну? Вам же там понравилось?
- Понравилось. Но там же надо бронировать заранее.
- Ерунда. Я договорюсь.
- Опять примените свои финансово-дипломатические способности?

Решили встретиться в девять.

- Торт я беру с собой, – сказала Юля.

Перед тем, как уйти, она вдруг потянулась к Антону Ильичу, быстро обняла его за шею и чмокнула в щеку.

- Простите меня. Наверно, я погорячилась.

Взяла торт и упорхнула.

Администратор таверны встретил их как родных. Это был маленький коротышка необычайно низкого роста. Свой недостаток он компенсировал тем, что шустро двигался и громко разговаривал – как казалось ему самому, на всех языках. Провожая гостей к столу, он сыпал комплиментами, если перед ним была дама, и расхваливал меню, в особенности напитки, если пришли одни мужчины. Дамам он подвигал стул, мужчинам зачем-то жал руки, желая приятного аппетита, и в течение вечера, когда все уже прибыли к ужину и больше встречать было некого, прохаживался по ресторану с хозяйским видом, прикрикивал на официантов и улыбался гостям.

За столиками сидели в основном пары, кое-кто с детьми, но больше по двое. Горели свечи, сквозь распахнутую крышу лился мягкий ночной воздух, высоко над головой в темноте сиял полумесяц. Антон Ильич и Юля тоже чувствовали себя парой, хоть и были знакомы всего ничего. Во всяком случае, именно так их здесь воспринимали окружающие: когда заказывали, официант предложил Юле какой-то соус, но она отказалась.

– Ваш муж берет этот соус, берите и вы. Будете целоваться, и никаких проблем, будете оба пахнуть соусом!

Даже администратор-коротышка был не один. Официантка, дородная светлокожая гречанка, которой он и до груди не доставал, очевидно, была его подружкой. Он не выпускал ее из виду и время от времени незаметно шлепал по бедрам, когда она проходила мимо с грудой грязной посуды в руках. Юля и Антон Ильич сразу обратили внимание на эту парочку и весь вечер подшучивали, наблюдая, как крепкая гречанка, перекосившись от тяжести, без устали таскала подносы, а ее друг-коротышка насвистывал песенки и любезничал с гостями.

Кормили вкусно. Антон Ильич сразу предложил заказать пиццу, которую пекли здесь же, в печи, на глазах у посетителей, и резали на четвертинки, так чтобы можно было взять несколько разных кусков. Все это так понравилось Юле, что они решили не отвлекаться на другие блюда и попробовать все виды пиццы, какие готовил сегодня повар, и не раз.

Как только официант приносил очередную порцию в плоской круглой тарелке и ставил ее на середину стола, они заказывали ему следующую, чтобы не ждать – народу в ресторане было предостаточно. Они лакомились, беря кусочки прямо руками, из одной тарелки, и растягивая длинные дорожки горячего сыра.

– Я никогда столько не ела, – сказала Юля, – но сегодня почему-то все хочется попробовать.

О большем Антон Ильич и не мечтал. Он был счастлив, что угадал с едой и с рестораном, а больше всего был рад тому, что Юля снова переменилась. Она пришла на ужин тихая,

немногословная. Недавние переживания совсем уже исчезли с ее лица, черты ее смягчились, и она казалась умиротворенной и посвежевшей, как небо после бури.

Сегодня на ней было длинное, до самого пола, платье сине-зеленого цвета, и Антон Ильич не мог не отметить, как хорошо оно подходило ее изумрудным глазам. Поверх она накинула короткий пиджачок, в руках держала маленькую бархатную сумочку – не крупнее, чем кошелек Антона Ильича – на которой красовалась, повязанная изящным узелком, шелковая лента. Когда Антон Ильич увидел, как она шла к нему своей неспешной царственной походкой, как тонкий шелк ее платья струился по бедрам и по ногам, как волосы развевались в такт ее движениям, он оторопел. У него дух захватывало от этой яркой, неслыханной красоты. Сколько достоинства было в ее лице, в ее походке! Казалось, она идет не по старой расколоте плитке, а по красной ковровой дорожке, и не в простецкую таверну, а на торжественный прием. В эти мгновения она снова показалась ему девушкой из самолета – изысканной, утонченной, далекой от всего, что ее окружало, и счастье оттого, что эта девушка идет ужинать с ним, Антоном Ильичом, нахлынуло на него и застучало в голове. Он преклонился и поцеловал ей руку. Прохожие оглядывались им вслед, когда они шли к таверне.

За ужином она внимательно присматривалась к Антону Ильичу, как будто видела в нем что-то новое, ей неизвестное. И если до сих пор она лишь позволяла ухаживать за собой, то сейчас сама вдруг стала проявлять заботу – отмечала, что ему нравится, и подкладывала самые вкусные кусочки. У Антона Ильича радостно гудело сердце. Снежная королева таяла на глазах, и вместо нее появлялась другая женщина, нежная, доверчивая, настоящая, и к тому же сказочно красивая. Лица ее касались отблески свечи, в полутьме глаза ее светились, но не смешливыми задорными искорками, как вчера, а ровным и мягким светом. Она не хохотала, но улыбалась ему спокойной ласковой улыбкой. Ему показалось, что даже голос ее стал спокойнее и мягче.

Говорила она мало и все больше спрашивала. Сегодня ей было интересно все – как он живет, где работает, почему решил приехать сюда, на Крит. Антон Ильич не ленился отвечать обстоятельно, подробно, и рассказывал обо всем, что ее интересовало.

– Это получилось случайно.

– Как это, случайно? Вы не планировали брать отпуск?

– Нет. Пришел в понедельник на работу и понял, что в ближайшие две недели делать будет нечего. Все встречи как нарочно перенесли. Шеф в отпуске. А впереди еще ноябрьские праздники. Я и решил воспользоваться моментом. Тем более что летом отдохнуть почти не получилось.

– А почему Крит? Кто вам посоветовал ехать на Крит?

– Никто. Пошел в агентство и попросил путевку куда-нибудь не слишком далеко и как можно скорее. Мне предложили Крит. Сказали, что если повезет, то я еще застану хорошую погоду.

– И кстати, вам повезло.

Еще бы, подумал Антон Ильич!

– Да, мне повезло. Так что я купил путевку и в четверг уже улетел.

– Подождите, а как же виза?

– У меня есть.

– Вы так часто отдыхаете?

– Нет, я часто летаю. В Европу. По работе.

– А-а, понятно.

После еды Юля откинулась на стуле и вздохнула:

– Для полного счастья мне не хватает только чашечки кофе.

Антон Ильич заулыбался.

– Жаль, что у них нет здесь хорошего кофе, правда? Эту их кислятину в баре брать больше не хочется. Может, закажем чаю? Или пойдем в наше кафе? Как вы думаете?

Антон Ильич весь сиял.

– Что вы так улыбаетесь? Что в этом такого? По-вашему, я слишком многого хочу?

Антон Ильич молча покачал головой. С каждым ее словом улыбка на его лице становилась все шире.

– Нет, вы не подумайте, ужин мне очень понравился, просто я люблю после еды выпить чашечку кофе. Это как большая жирная точка, которой мне не хватает для полного счастья.

Она вытянула вверх руки и посмотрела в небо.

– Честно говоря, так не хочется сейчас никуда идти! Здесь так хорошо! Но и кофе тоже хочется. Жаль, что нельзя тот кофе перенести прямо сюда. Да что вы все улыбаетесь?

Антон Ильич показал рукой, мол, подождите минуточку.

Он развернулся, поймал глазами коротышку и показал ему рукой, мол, давай, неси. Тот кивнул и ушел на кухню.

Юля в изумлении спросила:

– Что вы задумали? Вы хотите рассчитаться? Мы идем в кафе?

Антон Ильич молчал.

– Я требую объяснений! – в шутку пригрозила Юля.

К ним уже спешил коротышка. На подносе у него стояло два высоких стакана, плотно закрытых крышками, с эмблемой кафе, в которое собиралась идти Юля. С подчеркнутым изяществом коротышка взял с подноса один стакан и поставил его перед Юлей, затем подошел к Антону Ильичу и также, с почтением, поставил второй стакан перед ним, спрятал поднос за спину, раскланялся и удалился.

– Вот она, ваша жирная точка, – произнес Антон Ильич, не в силах больше скрывать своего удовольствия тем, как удачно он все организовал.

Он пододвинул Юле сахар и чайную ложку и потер руки от нетерпения.

– Та-ак! Давайте я помогу вам открыть. Осторожно, он очень горячий.

Он снял крышку с ее стакана, потом со своего, и над их столом разлился горячий аромат свежесваренного кофе.

– Прошу вас!

Тут он увидел, что Юля изменилась в лице. Подбородок у нее задрожал. Ресницы опустились, и из глаз покатились слезы. Она отвернулась, взяла салфетку и быстро приложила к щекам.

Хоть и происходило это уже не в первый раз, Антон Ильич снова оказался не готов к такому повороту событий. И снова растерялся.

– Я знаю, что выгляжу как... как полная дура... Уже второй раз за сегодняшний день. Понимаете, никто обо мне так не заботился. Никто... Дело не в кофе, понимаете...

И не в торте, конечно... Подарки мне всегда дарили, но никто, никто не интересовался, чего хочется мне самой... Что мне нравится. Мне, понимаете?... Какой именно торт, сколько калорий, какого размера... Что я буду есть, а что не буду... Никто не делал этого для меня... И самое обидное, что мне ведь не шестнадцать лет... Я была замужем, и у меня были мужчины, которые ухаживали за мной... которые говорили, что любят... Но никто ни разу не сделал для меня чего-то такого, чего хотелось бы мне. Не им, а мне, понимаете? Мне самой... Вот если бы вы подарили мне сейчас букет цветов, это было бы приятно, но совсем не то, что мне нужно, понимаете? Или заказали бы музыкантов... Знаете, как бывает, они встанут над душой, затянут эти свои арии, а у меня и так голова раскалывается... Мне эти арии даром не нужны, поесть бы в тишине спокойно, так нет же, надо их слушать, хлопать им, улыбаться, благодарить... Или вот закажут какое-нибудь дорогое вино, специально ради меня... А мне сейчас вино ну вот никак, понимаете?... Мне нужен кофе... И именно вот этот кофе, как я люблю, и именно

сейчас, не раньше и не позже, и именно вот в таком стакане, горячий... А, кстати, как вы так подгадали время?

Антон Ильич, до сих пор сидящий с замершим от удивления лицом, выдохнул и улыбнулся.

- За это я должен благодарить вас.
- Меня? Почему меня?
- Потому что вы очень пунктуальны.
- И что?
- Как что? Вы никогда не опаздываете.
- А кофе тут причем?

– Притом, что это позволяет мне точно все рассчитать. Вот если бы вы опаздывали, как все девушки, кофе бы остыл, сюрприз бы не получился, и вообще, ничего бы не вышло. А так, я знал, что ровно в девять мы с вами сядем за стол, и заказал доставку на десять тридцать. И вот! И вам хорошо, и мне приятно.

Некоторое время они сидели и молча пили кофе. Юля держала стакан обеими руками и маленькими глотками потягивала свой любимый напиток. Она смотрела куда-то в сторону и все еще думала о чем-то своем. Казалось, она не замечала ни Антона Ильича, ни того, что он по-прежнему глядел на нее и любовался ею.

Где-то в глубине в нем снова рождалось какое-то странное чувство – как будто такая девушка, как Юля, не должна быть здесь, ибо то, что окружало ее здесь, ей не соответствовало. Куда ни глянь, все было проще, безвкуснее, некудышнее по сравнению с ней, все казалось недостойным ее. Не может она ужинать посреди этих туристов, думал Антон Ильич, глядя на соседние столики, где мужчины и женщины сидели в спортивных костюмах и кроссовках. Не должны ее обслуживать эти нерасторопные, не скрывающие своей усталости греки, неспособные в ответ и двух слов связать по-английски. Взгляд его упал на Юлину бархатную сумочку, лежащую на краю стола. Не должна она сидеть за деревянным столом, есть из тарелки с отбитым краем, думал он. Она слишком для этого красива.

Вдали, за ее спиной, коротышка поймал взгляд Антона Ильича и поднял большой палец кверху, мол, молодец, не зря старался, поздравляю. От него не укрылось, какая сцена только что разыгралась за их столиком.

Наконец они допили кофе.

– Позвольте пригласить вас на вечерний моцион, – предложил Антон Ильич, памятуя об их вчерашней прогулке по пляжу. – К сожалению, море я доставить сюда не смогу. Придется нам идти самим.

Юля улыбнулась и согласно кивнула.

Антон Ильич уже попросил счет, когда она вдруг сказала:

- Завтра приезжают мои.
- Кто?
- Мама и бабушка.
- Эта девушка не переставала удивлять.
- Куда приезжают? Сюда?
- Да, в наш отель. Мы решили в этом году провести отпуск вместе.

Она внимательно посмотрела на него, как будто хотела понять, какое впечатление произвела на него эта новость. Антон Ильич постарался не показывать своего удивления и спросил только:

- Во сколько они прилетают?
- Днем, около двенадцати.
- Поедете встречать?
- Да. Утром встану, позавтракаю и сразу поеду.

– Хотите, я поеду с вами?

Она задумалась, потом качнула головой:

– Нет. Я вас лучше здесь с ними познакомлю.

Спустились к морю.

Юля сама взяла под руку Антона Ильича и шла так близко, что он чувствовал, как касались плеча ее волосы и как прижималась к бедру скользкая ткань ее платья. Пальцы ее крепко сжимали рукав его рубашки повыше локтя, когда они перешагивали через песчаные валуны.

На пляже никого больше не было. Ноги вязли в глубоком сухом песке, словно в сугробах снега. Ботинки Антона Ильича изрядно припорошило, а Юля, сделав несколько шагов, скинула туфли и пошла босиком. Они дошли до самой кромки моря, где песок был влажный и твердый – идти по нему было одно удовольствие, и направились в сторону пирса. Волны подкатывались к ногам, и это вдруг развеселило Юлю, до сих пор еще тихую и задумчивую. Она подошла к самой воде, потом вскрикнула и, отпустив Антона Ильича, убежала от длинной шипящей пены, а потом снова подошла так близко, как только можно, и шла, пока ее не настигла следующая большая волна. Подол ее длинного платья быстро намок, но она ничуть из-за этого не волновалась и продолжала играть с волнами, и бегать по песку, и веселиться. Держа в одной руке туфли, в другой свою бархатную сумочку, она кружилась и смеялась, и Антону Ильичу, едва поспевавшему за ней, казалось, что он не видел ничего прекрасней, чем эта девушка, танцующая на берегу ночного моря в бликах желтых фонарей.

Бабочка, которой он с осторожностью любовался издали, вдруг оказалась рядом и – яркая, божественно красивая – порхала сейчас около него. Это казалось невозможным. Этому не было объяснения! Как и тому, что они встретились. Почему-то он решил вдруг взять отпуск, почему-то приехал сюда, на Крит, почему-то выбрал этот отель... Он ничего не планировал и не делал ничего нарочно. Даже кофе, который произвел такое впечатление на Юлю, он заказал не для того, чтобы поразить ее, а потому что всего лишь хотел сделать ей приятное. Ему ничего не стоило дойти до кафе и оплатить доставку, тем более что его там уже знали, да и времени до ужина у него было предостаточно. Он не ждал от нее благодарностей и не рассчитывал заработать очки в ее глазах, у него и в мыслях этого не было. Но эффект, который он произвел не нарочно, оказался столь неожиданным, что Антон Ильич и сам не понимал, за что ему выпало такое счастье. Пожалуй, такое же чувство он испытывал лишь однажды.

Он вспомнил, как в школе, будучи почти еще ребенком, он воспылил нежными чувствами к преподавательнице, ведущей у них театральный кружок. Это была еще, конечно, не любовь, но какая-то непонятная ему тогда тяга к этой необыкновенной, не похожей на других их учительниц женщине. Он мог часами смотреть на нее – для того только он и посещал театральный кружок, и все искал случая, чтобы только увидеть, как она идет по коридору. Расписание ее уроков он тайком переписал со стенда в учительской и носил этот листок с собой в кармане брюк. Когда его уроки проходили на том же этаже, где был – святая святых – ее кабинет, это были самые счастливые дни во всей неделе. На перемене он подходил поближе и заглядывал издали, если дверь была открыта, а если заперта, то ждал, когда она появится к уроку, и стоял до последнего, до самого звонка, пока не видел ее, спешащую к себе. Как только она появлялась в коридоре, он мигом разворачивался и убегал. Сердце у него отчаянно колотилось, лицо краснело до самых ушей, и весь урок он не мог успокоиться и не мог думать ни о чем, кроме нее. Однокашники его подтрунивали над ним, и было ему стыдно перед ними за свою привязанность, от которой он открещивался с мальчишеской горячностью, но на следующий день снова шел к ее двери, снова ждал, снова брал в руки учебник, как будто мог спрятаться за ним, и снова убегал, едва ее завидев. И каждый вечер, засыпая, он думал лишь о том, увидит ли он ее завтра или только послезавтра, и сердце его приятно ныло от тоски по ней и от еще чего-

то, чего он не мог определить словами. Он чувствовал какую-то гордость перед товарищами оттого, что у него уже есть это, а у них еще нет, но что такое это это, объяснить он не мог.

И вот в один день им объявили, что в субботу они идут всем классом в театр на спектакль, где будет играть она. У него сердце ходуном заходило от счастья. Всю неделю он готовился и волновался, не зная чего ждать. Он не знал, каким будет этот поход в театр, и представлял себе что-то вроде школьного урока, проводимого в театре, а не в школе. Она будет на сцене, а не в классе, а он сможет показаться ей не в школьной форме, а в своем лучшем наряде, новом свитере, который он еще ни разу не надевал.

Поначалу все пошло не так, как он думал. В театре оказалось полно народу, так что полтора ряда, занятые их классом да несколькими учителями, терялись в огромном зале. Она не заметит его и не увидит его свитер! Дальше стало еще хуже: выключили свет. Теперь шансов, что она увидит его сегодня, не осталось никаких. В полной темноте начался спектакль. На сцену выходили разные люди, мужчины и женщины, и он никак не мог понять, была ли среди них она. В полутора рядах пошло волнение, все перешептывались, не понимая, как и он, где их учительница. Наконец, ее нашли. Из-за костюма ее нельзя было узнать, так что он просто вперился глазами в ту, которая, ему сказали, была ею, и глядел на нее, не отрываясь. Скоро все закончилось. Зажегся свет. Опустился занавес. Артисты кланялись. На сцену вышла завуч и от имени школы подарила ей пять красных гвоздик. Все хлопали.

Он тоже хлопал, громко, изо всех сил, но знал, что она все равно его не видит. Его душили слезы, он едва сдерживался, чтобы не заплакать – до того ему хотелось, чтобы она заметила его сегодня. Но она не замечала. Поклонилась в последний раз и убежала с гвоздиками в руках.

Как случилось, что он оказался за кулисами, Антон Ильич теперь уж и не помнил. Не то кто-то из родителей его одноклассников оказался знаком с учительницей-актрисой, не то кто-то просто прихватил его с собой за компанию.

Он помнил лишь ее, сидящую около зеркала. На столике перед ней множество разноцветных баночек, кисточек и еще каких-то женских штучек; на ней надеты пышные юбки, которые занимают весь диванчик, когда она сидит, и не дают подойти к ней вплотную, когда она встает; ее грудь, затянутая в корсет и перевязанная шнурками, ленточками и бантиками, обнажена едва не полностью, так что и смотреть в ее сторону страшно; на шее блестит ожерелье, губы накрашены красным, в кудрявых волосах цветы – точно как дама сердца какого-нибудь рыцаря или мушкетера, каких он видел в кино.

Кто-то дарит ей цветы, кажется, учитель географии, она смеется своим алым ртом, показывая крупные белые зубы, и целует дарителя и заодно и его, маленького Антона. Он краснеет как рак и радуется про себя, что она не видит этого, потому что говорит о чем-то с учителем географии. Хорошо, что он не расплакался до того, как очутился у нее! Он не помнил, чем все закончилось, но до сих пор помнил тот поцелуй – как она вдруг наклонилась к нему, коснулась его всеми своими ленточками, кудряшками, сережками и обдала теплым сладковатым запахом духов и грима. На щеке его осталась маленьким пятном ее красная помада, и он старался умыться вечером так, чтобы не смыть ее нечаянно...

– Смотрите!

Юля вскинула руку, показывая в небо за его спиной.

Антон Ильич оглянулся, но ничего не увидел. Юля подбежала к нему и встала, глядя вверх, в то место, где только что видела нечто поразительное. Не прошло и нескольких минут, как в небе беззвучно засверкала молния. Желтые зигзаги прорезали темноту, небо вспыхнуло и осветилось, на несколько мгновений обнажив очертания черных грозовых туч. Затем все погасло.

Антон Ильич повернулся к Юле. Она смотрела в небо, не отрываясь, и ждала следующей вспышки.

– Давайте подождем, – сказала она шепотом. – Сейчас опять будет молния.

Они стояли и смотрели в темноту. Антон Ильич поглядывал на Юлю, но она, заметив на себе его взгляд, показывала на небо:

– Смотрите, смотрите, а то пропустите! Сейчас начнется. Он улыбался. Неужели она и правда думала, что он может смотреть на какие-то молнии, когда рядом стоит она?

– Вот! Вот! Смотрите!

В небе засверкало. Сразу несколько молний пронзили темноту бело-желтыми стрелами, небо замелькало короткими бесшумными вспышками. Юля пригнулась, как будто молнии могли попасть в них, и схватилась за Антона Ильича. Он инстинктивно приобнял ее за плечи и тут же спохватился, не слишком ли он осмелел. Но Юля не отстранилась. Напротив, вся подавалась в его сторону, как будто хотела, чтобы он ее защитил.

Скоро все затихло.

Юля со страхом смотрела в небо. Антон Ильич только рот открыл, чтобы сказать ей что-то успокаивающее, как в небе тут же засверкало вновь. Юля вздрогнула и сжала его руку. Вдвоем они замерли на месте и смотрели туда, где часто, почти без перерыва, вспыхивали короткие фейерверки. Освещенные их сверканьем, тревожно висели тучи, и видно было, как с них стеной исходят черные потоки дождя.

– Там гроза, – прошептала Юля.

Она смотрела на молнии, не отрываясь.

Антон Ильич обнял ее обеими руками и тихонько прижал к себе. Там вдали остров гудел, дрожал и сотрясался под натиском грозы. А здесь над ними стояло ясное небо, в ночи светились маленькие звездочки, высоко поднялся серебристый полумесяц, и свет от него лился в море тоненькой прерывистой дорожкой.

– У нас здесь тоже будет такая страшная гроза? – спросила Юля.

– Совсем не обязательно.

– Вы так думаете?

Антон Ильич погладил ее по плечам, успокаивая.

– Все зависит от направления ветра. Сейчас он дует туда, – он показал рукой, – и если не поменяется, то гроза пройдет мимо нас.

– А если поменяется? Будет шторм?

Он улыбнулся и слегка коснулся губами ее лба.

– Что бы ни случилось, я смогу вас защитить.

Антон Ильич не лгал. Он чувствовал, что хочет защитить ее от всех ненастий, оградить от всех бед. Ему хотелось поднять ее на руки, прижать к груди и никуда не отпускать. Шторм или гроза, какая разница? Если она рядом, ему ничего не страшно, он справится со всем. Он ощущал в себе такой прилив сил, словно он, как первобытный воин, мог бы сейчас догнать мамонта и завалить его одним ударом кулака. Жаль только, мамонтов здесь не было.

Юля развернулась к нему и тихо произнесла:

– Я боюсь, как там мои. Как они полетят в такую грозу?

Антон Ильич рассмеялся и посмотрел на нее с нежным умилением.

– Что? Что вы смеетесь?

– Да ведь до вылета еще полдня. Гроза пройдет, и погода к утру поменяется.

– А если нет? Если не поменяется?

– Ничего страшного.

– Да?

– Ну конечно. Потрясет немного при посадке, и все.

– Да... Да, наверно, вы правы.

Она улыбнулась ему и вдруг опустила глаза, смутившись.

– Глупости какие... Простите меня... сегодня у меня все так...

Антон Ильич не дал ей договорить. От ее слов, от ее трогательного смущения в нем поднялась мощная волна чувств, и он прикоснулся ладонями к ее лицу, потянулся к ее губам, но в последнее мгновение остановился, глянув в ее глаза. Юля смотрела на него как испуганный зверек, напряженно и оцепенело. Она не отстранилась и как будто даже не удивилась его желанию ее поцеловать, но и не шла навстречу, только стояла, не шевелясь, и смотрела, что будет дальше. В глазах ее был страх, и еще какая-то странная смиренность, словно она ждала чего-то, что должно было произойти неизбежно и чему бесполезно было сопротивляться, боялась этого и одновременно желала, чтобы все поскорее произошло. Под ее взглядом Антон Ильич и сам испугался своего внезапного порыва. Он все еще держал в ладонях ее лицо, но понимал, что момент ушел, и поцелуя не выйдет. Смутившись, он неловко отнял руки от ее лица и встал, не зная, куда их деть и что вообще ему делать. Чувства бурлили во всем его теле, и он, не придумав ничего лучше, вдруг подхватил Юлю на руки.

Она вскрикнула и обхватила его за шею. Антон Ильич закружил ее на песке. Она завизжала и захохотала, и это придало ему сил. Оцепенение спало.

– Что вы делаете? Отпустите! Вы уроните меня! Мы сейчас оба упадем!

Он, запыхавшись, поставил ее на землю. Юля все смеялась и никак не могла остановиться, а он стоял, раскинув руки, и не знал, смеется ли она от радости или хохочет над ним.

Она глянула на него, растерянного, ничего уже не понимающего, подошла к нему и обхватила за шею обеими руками и ласково произнесла:

– Какой вы все-таки...

Руки Антона Ильича оказались у нее на спине. Голова у него пошла кругом от ее близкого тела, от запаха ее волос. Она смотрела на него, как ни в чем ни бывало и все еще смеясь. Ее смех переливался у самого его уха, ее глаза смотрели на него без всякого страха и как будто говорили ему, что все возможно. Словно в подтверждение, она потянулась к его лицу, провела рукой по щеке и встала еще ближе, так что ее платье коснулось его груди. Что она делает, пронеслось в голове Антона Ильича, но Юля уже оказалась в его объятиях. Он обхватил ее всю, прижал к себе, уткнулся в ее волосы и шумно вдохнул.

Наверху снова засверкала молния. В голове у него тоже сверкало и звенело. Земля зашаталась под ногами, небо закачалось и поплыло, или это было море? Он уже ничего не понимал. Что теперь делать, стучало в голове? Как отпустить ее от себя?

– Пойдемте ко мне, – простонал он.

И сам не поверил, что сказал это.

Сейчас оттолкнет меня, подумал он. И убежит от меня навсегда.

Юля улыбалась и не отнимала рук. Тогда он быстро добавил:

– Чай пить.

Всю дорогу они целовались.

Сладко пахли цветы вдоль дорожек. Вокруг было тихо. Изредка им встречались отдыхающие, что прогуливались после ужина, и тогда Юля прижималась к Антону Ильичу еще крепче и прятала лицо у него на груди. Впрочем, было темно, и разглядеть их лиц было все равно невозможно.

Поднимаясь по каменным ступеням, они останавливались почти на каждой. Антон Ильич не выпускал Юлю из своих объятий, целовал ее волосы, лицо, шею. Она смеялась, запрокидывала голову и прикрывала глаза, как бы говоря, ах, делайте со мной, что хотите!

Он чувствовал, как дрожали у нее колени. Она едва держалась на ногах и при каждой возможности то опиралась рукой о перила, то прислонялась к стене. Он не торопил, поддерживал ее и временами почти нес ее на себе, до того она ослабела. Что с ней такое, удивлялся Антон Ильич? Казалось, она не могла унять в себе дрожь, и ноги ее не слушались. Неужели так волнуется?

Он и сам волновался. И все еще боялся спугнуть свою бабочку каким-нибудь неосторожным словом, неловким движением. Ему не верилось, что все уже решилось. А вдруг она возьмет да и передумает? Перестанет смеяться, посмотрит на него строго и скажет, мол, будет вам, Антон Ильич, повеселились и хватит, пойдемте по домам, поздно уже. Но Юлия смеялась не переставая. Не его шуткам – он уже не шутил и вообще почти не разговаривал – а сама по себе, нервно, отрывисто, дрожа всем телом, то запрокидываясь назад и едва не падая, то сгибаясь пополам и утыкаясь головой в его живот. Антон Ильич крепко держал ее за плечи и с испугом вглядывался в ее лицо – уж не плачет ли она, в самом деле, не случилась ли с ней истерика?

Лицо у Юлии горело, а когда он дотронулся до ее руки, она оказалась холодной как ледышка.

– Вы замерзли? – удивился он и, не дожидаясь, что она скажет, стал с горячностью целовать ее ладони.

Наконец они добрались до его корпуса. Возбравшись по последним ступеням, они остановились, и он снова притянул ее к себе, целуя. Она вдруг перестала смеяться и посмотрела на него серьезно. У Антона Ильича душа ушла в пятки.

– Где же ваш номер? Пойдемте скорей. Мне кажется, мы идем целую вечность.

Антон Ильича разбудил яркий свет. Он открыл глаза. Это Юлия включила лампу. Она одевалась.

– Куда ты? Сколько времени?

Было только около двух.

– Почему ты уходишь? Останься.

– Не могу.

– Почему?

– Не могу спать.

– Давай вместе не будем спать.

– Нет. Я волнуюсь, как мои долетят.

– Не волнуйся, с ними все будет хорошо.

– Они уже в аэропорту сидят. Мама мне прислала сообщение.

– Еще же рано!

– Ты не знаешь мою бабулю.

– Останься, иди ко мне, – он хотел взять ее за руку, но она не далась.

– Нет. Я лучше пойду к себе.

Антон Ильич тоже поднялся с кровати. Юлия уже пошла к дверям.

– Встретимся на пляже? Как обычно?

– Нет, завтра я без пляжа. Мне утром надо на счет номеров договориться, такси заказать. Давай на завтраке, в девять.

– Ну хорошо.

Он хотел поцеловать ее, но она выскользнула и бегом зашагала по коридору.

Антон Ильич лег и потушил свет. Сон не шел. Он долго ворочался и не мог заснуть. Какие-то беспокойные мысли крутились у него в голове и не давали забыться.

В воскресенье погода поменялась. С самого утра небо заволокло облаками. Кое-где еще виднелись просветы, за которыми ярко горело рассветное солнце, но вскоре и они затянулись, облака слились, растворились друг в друге и превратились в сплошную синеву, туманом нависшую над морем. За завтраком зарядил дождь. Поначалу легкий и едва ощутимый, не то дождь, не то брызги воды, доносящиеся с моря, он все не прекращался и барабанил сильнее, заставив сидевших на веранде подхватить свои тарелки и искать себе место внутри. Официанты немедленно закрыли вход на веранду и стали уносить со столов посуду, снимать скатерти, затворять

ставни. То же происходило и у бассейнов, где несколько служащих разбирали зонты, складывали стопками лежаки, пляжные столики и несли все прочь, прятать от дождя. Вся эта суета не предвещала ничего хорошего. Погода на острове переменчива, особенно в это время года, и туманное утро совсем не означало такого же дня, ветер мог разогнать облака и унести дождливые тучи в сторону, как не раз случалось в последние дни. Однако то, с каким рвением действовали работники отеля, их тревожные взгляды и голоса, не оставляли отдыхающим никаких надежд. Все говорило об одном: готовились к ненастью.

В ресторане тоже витала напряженность. Людей за завтраком было больше обычного. Никто сегодня не купался в бассейнах, не сидел в креслах на улице, не любовался видами и не делал снимков на память – все устремились под крышу, на завтрак. Столиков не хватало. К повару, жарившему омлет, выстроилась очередь, блинчики разбирали, едва их снимали с плиты; падали вилки, бились стаканы, кричали дети. За едой все с беспокойством поглядывали за окно и друг на друга, и обсуждали непогоду. Одни говорили, что опасаться нечего, другие рассказывали о штормах, какие бывают в этих краях, когда волны якобы вздымаются в шесть метров высотой и сносят все на своем пути. Неужели шестиметровая волна может нанести такой урон, засомневался кто-то? Ему тут же объяснили, что да, может, ведь дома на острове старые, выдавшие виды. Да взять хоть их отель, он, хоть и отреставрирован, но построен-то был аж сорок лет назад! Один англичанин с красным, угоревшим на солнце лицом сказал, что накануне слышал в новостях об урагане, и стал описывать картины, увиденные им на экране: обрушенные здания, перевернутые машины, выкорчеванные деревья. И хоть он не расслышал, где именно произошло бедствие, все сошлось на том, что буря идет сюда. Те, кто планировал поездки по острову, спешно все отменяли. Хуже всего было тем, кто сегодня улетал. С белыми от страха лицами они выясняли, не отменены ли рейсы, и, узнав, что аэропорт работает в обычном режиме, встревоженно спрашивали: как лететь в такую погоду? А если начнется шторм? Если в самолет ударит молния?

Антон Ильич, сидевший вместе с Юлей за столиком неподалеку и слышавший эти разговоры, поморщился. Завтрак не задался. Больше всего он не любил есть в суете, посреди беспокойной толпы. К тому же утром он встал с больным горлом и чувствовал ломоту во всем теле. Несмотря на это, настроение у него было хорошее, дождь его не пугал, и Юля, свежая, еще больше похорошевшая, нравилась ему как никогда. Она собиралась вскоре ехать в аэропорт и была заметно возбуждена предстоящей встречей с родственницами, хоть и делала вид, будто все это ее вовсе не волнует. После завтрака они распрощались, и она обещала позвонить ему, как только вернется.

Было ясно, что все постояльцы сегодня будут здесь, в отеле. Никто не станет выходить на улицу без лишней необходимости, все будут тесниться у бара, займут все кресла в холле, станут выпивать и пугать друг друга рассказами о надвигающемся шторме. Быть среди них Антону Ильичу не хотелось. Он вернулся в номер. Но и здесь оставаться было невозможно. Пошелкав пультом, он бросил и его, смотреть по телевизору было нечего. Ставни лязгали на ветру и бились о стену, с балкона тянуло дождем и прохладой, и вся его комната в отсутствии солнечных лучей казалась такой маленькой и унылой, что впору было кинуться на постель да забыться сном, что б только не видеть эту тягостную пустоту вокруг и не томиться здесь в одиночестве. Антон Ильич едва удержался, чтобы не забраться под одеяло, тем более что резь в горле не отпускала, и он чувствовал, что заболел. Усилием воли он поднял себя с кровати, обул кроссовки, достал из глубины шкафа куртку, висевшую там с самого приезда, и вышел.

Он пошел к морю. На пляже не было ни души. И здесь все было готово к стихии: лежаки спрятаны, зонты свернуты, деревья накрыты сетками и перевязаны. Антон Ильич даже обновился от неожиданности. Еще вчера здесь было по-летнему весело, на пляже купались и загорали, играли в волейбол и прыгали на волнах, а сейчас сюда будто зима пришла. Море лежало серое и неподвижное, над ним нависало такое же серое небо. Остров впереди растаял

в облаках, горизонта не было видно, вместо него клубился туман. С неба по-прежнему накрапывал дождь.

Антон Ильич пошел к пирсу. Кроссовки вязли в песке, в лицо дул ветер. Дойдя до пирса, он не пошел по нему к морю – не хотелось идти к холодным волнам под холодным ветром, – а постоял немного да и двинулся обратно. Даже собаки сегодня не пришли. Бар на пляже с утра не открывался. И посуду, и стулья унесли подальше от ветра, барную стойку накрыли от дождя, даже прислониться было некуда. Куда бы присесть? Не идти же обратно в номер? Под навесом он увидел лежаки, пошел туда, вытащил один, приволок его на берег, сел один-одинешенек посреди пустынного пляжа и стал смотреть на море.

Пейзаж не радовал глаз, но Антон Ильич сидел и смотрел, зная, что это лучше, чем сидеть со всеми в отеле или спать в номере. Как нарочно, дождь зашумел сильнее. Антон Ильич натянул капюшон. Крупные капли барабанили по куртке и падали перед ним на песок. Пляж запестрел от круглых темных капель. Он поднял голову: над ним стояла низкая бурая туча и, казалось, вот-вот разразится ливнем. Пришлось оттащить лежак на место и искать себе укрытие. Быстрым шагом он направился к единственному оставшемуся не разобранным зонту, встал под ним и стал ждать. Ливень, однако, все не шел. Дождь капал то сильнее, то затихал, а Антон Ильич все стоял под зонтом и глядел на серо-зеленое море из моря, дождя и тумана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.